

Библіотека для учащихъ.

В. П. Вахтеровъ.

Спорные вопросы образования.

Весь авторскій гонораръ съ настоящаго изданія поступитъ въ пользу
нуждающихся учащихъ и ихъ семействъ въ распоряженіе учреждений,
преслѣдующихъ эту цѣль.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1907.

I.

Возможно ли равное для всѣхъ общее образованіе ¹⁾?

Кромѣ неравенства экономическаго и правового, существуетъ еще неравенство въ образованіи, и сознаніе этого неравенства обуславливаетъ страданія не менѣе жгучія, чѣмъ неравномѣрное распредѣленіе между людьми матеріальныхъ богатствъ и политическихъ и гражданскихъ правъ.

Еще вопросъ, что предпочло бы большинство людей: быть милліонерами, но оставаться безграмотными и невѣжественными, или же быть бѣдняками, но стать въ первыхъ рядахъ просвѣщенныхъ европейцевъ.

Мысли и открытія, подобно орудіямъ производства, могутъ быть отдѣлены отъ человѣка, быть накоплены и сохранены въ книгахъ и въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, доступныхъ лишь небольшой кучкѣ людей, и могутъ обуславливать духовное господство одного класса или касты надъ всѣми другими.

Знанія эти могутъ быть очень сомнительнаго качества: они могутъ сводиться къ обрядамъ, напримѣръ, они могутъ заключаться въ одной спеціальной подготовкѣ къ отправленію общественнаго жертвоприношенія, какъ это имѣло мѣсто у египетскихъ и индійскихъ жрецовъ, у кудесниковъ, у маговъ, въ Сибири у шамановъ, и, тѣмъ не менѣе, такія знанія и умѣнья даютъ своимъ обладателямъ извѣстныя, иногда очень большія политическія права, и обезпечиваютъ имъ доходы, иногда весьма значительные. Когда же вмѣсто призрачныхъ

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Петербургѣ въ комиссіи по низшей школѣ Лиги образованія на первомъ ея засѣданіи и напечатанный въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 29 іюня 1906 г.

знаній мы обладаемъ реальными и полезными научными, то большое скопленіе такихъ знаній въ рукахъ немногихъ лицъ можетъ сосредоточивать въ этихъ рукахъ нравственное вліяніе и политическую власть надъ всѣми другими.

И это очень похоже на то, какъ сосредоточеніе землевладѣнія или капитала въ рукахъ одного класса обусловливаетъ господство этого класса надъ другими. И чѣмъ больше пропасть между суммою знаній этого класса и невѣжествомъ другихъ, тѣмъ хуже для страны. У насъ эта пропасть безпримѣрно громадна. Съ одной стороны, у насъ есть такіе знаменитые писатели, какъ, напримѣръ, Толстой. Обаяніе его имени достигаетъ легендарныхъ размѣровъ; его всемірная слава представляетъ по своимъ размѣрамъ небывалый примѣръ во всей исторіи литературы XIX вѣка. Въ области естествознанія мы знаемъ людей, въ родѣ Сѣченова, Тимирязева, Менделѣева, обогатившихъ науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ открытій. У насъ были математики въ родѣ Лобачевского, техники въ родѣ Яблочкова, политическіе борцы въ родѣ Герцена. И въ то же время трудно представить себѣ такое скотоподобное существованіе, какое ведутъ Подлиповцы Рѣшетникова, изъ коихъ самый умный умѣетъ считать только до 5-ти и не видитъ ничего зазорнаго въ томъ, чтобы жить со своею родною сестрою. Трудно найти въ европейской литературѣ болѣе мрачную картину невѣжества, чѣмъ та, какую нарисовалъ въ своихъ «Мужикахъ» покойный Чеховъ.

Сознаніе этой ужасающей, небывалой духовной пропасти между людьми налагаетъ особыя обязанности на интеллигенцію страны: нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой настоящей необходимости напрячь всѣ силы на то, чтобы обезпечить всѣмъ безъ исключенія достаточное общее образованіе. Неравномѣрность распредѣленія матеріальныхъ богатствъ между людьми вполне справедливо обращаетъ на себя должное вниманіе и среди интеллигенціи, и среди рабочихъ классовъ, и среди крестьянъ. Мы твердо знаемъ, что духовная пропасть между образованными классами и народомъ у насъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ Западной Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ, чѣмъ въ Азіи и гдѣ бы то ни было. И потому въ борьбѣ за справедливое распредѣленіе богатствъ мы не можемъ и не должны забывать о безусловной необходимости самыхъ энер-

гическихъ мѣръ и къ болѣе справедливому распредѣленію образованія.

Нашъ идеаль—равное для всѣхъ общее образованіе. При идеальной системѣ просвѣщенія не должно быть ни низшаго, ни средняго, ни высшаго общаго образованія, а должна быть общая для всѣхъ общеобразовательная школа, считающаяся лишь съ индивидуальными наклонностями и способностями каждаго ученика. Если приказный строй запрещалъ принимать въ гимназію дѣтей кухарокъ, то нашей цѣлью должно служить, чтобы всѣ дѣти, не исключая и кухаркиныхъ, прошли до полнаго окончанія курса вмѣстѣ съ дѣтьми всѣхъ другихъ сословій одну и ту же общеобразовательную школу, съ ея нижнихъ ступеней до самыхъ высшихъ. Науку сравниваютъ съ солнечнымъ свѣтомъ, но солнце посылаетъ свой свѣтъ повсюду и равномерно. Такъ и научное знаніе. Народу должны быть сообщены самые послѣдніе выводы науки, а не тѣ средневѣковыя суевѣрія, которыми, съ благословенія Амаліи Грингмута, въ наше время считаютъ возможнымъ наполнять головы простого люда.

Мы считали бы такую реформу величайшей изъ реформъ—величайшей и въ то же время справедливѣйшей.

Быть-можетъ, нѣкоторые сочтутъ этотъ идеаль неосуществимой мечтой, беспочвенной иллюзіей, фантастической утопіей. И они будутъ неправы.

Начать съ того, что, когда мы говоримъ о равной для всѣхъ школѣ, то мы имѣемъ въ виду не спеціальныя и не профессиональныя учебныя заведенія, а только одну общеобразовательную школу. Современное состояніе техники, торговли и промышленности не допускаютъ и самой мысли о томъ, чтобы всѣ люди имѣли одинаковыя свѣдѣнія въ педагогикѣ, механикѣ, въ электротехникѣ, бухгалтеріи, агрономіи, юриспруденціи и проч. Но педагогъ, бухгалтеръ, электротехникъ, агрономъ, адвокатъ, музыкантъ и механикъ въ то же самое время и люди, и граждане, и потому кромѣ, спеціальныхъ знаній, различныхъ для каждой особой профессіи, всѣмъ имъ равно необходимы общечеловѣческія знанія—общее образованіе, одинаковое для всѣхъ людей, къ какой бы профессіи они ни принадлежали. Конечно, это общее образованіе не должно походить на то очень сомнительное образованіе, какое необходимо для полученія аттестата зрѣлости. Даже въ тѣ вре-

мена, когда наши гимназии не были изуродованы реформой Каткова-Толстого, изъ гимназій выходили въ полномъ смыслѣ самые невѣжественные и неразвитые люди. Такойъ талантливый человѣкъ, какъ Д. И. Писаревъ, по окончаніи гимназическаго курса, вынесъ изъ гимназіи такой кругозоръ, такіе интересы и такое развитіе, что, по окончаніи гимназическаго курса, его самымъ любимымъ занятіемъ было, по его собственному признанію, раскрашиваніе картинъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ—романы Купера и особенно Дюма - отца. Исторія Англій Маколея оказалась для него непреодолимой. Критическія статьи въ журналахъ производили на него впечатлѣніе кодекса гіероглифическихъ надписей.

Такіе жалкіе результаты получились не потому, конечно, что курсъ гимназіи былъ недостаточно продолжителенъ, а только потому, что гимназія давала тогда и даетъ теперь то, что ни для кого и ни для чего не нужно, совершенно излишне, а большей частью даже вредно, и не даетъ того, что нужно для общечеловѣческаго развитія.

Наши гимназисты подробно расскажутъ про битву на рѣкѣ Калкѣ, про всѣ водныя системы, но они не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о роли, какую играетъ воздухъ въ дыханіи, о законѣ спроса и предложенія, если бы не получали этихъ свѣдѣній внѣ школы и часто наперекоръ ей. Они умѣютъ написать слово дубъ и просклонять его на пяти языкахъ, но они ровно ничего не знали бы о жизни дуба, о питаніи растеній, объ ихъ оплодотвореніи и проч., если бы не пользовались, часто вопреки распоряженіямъ учебнаго начальства, книгами изъ общественныхъ и частныхъ хранилищъ.

Если бы выбросить изъ гимназическаго курса весь никуда негодный хламъ, весь излишній балластъ, въ родѣ номенклатуры, ненужныхъ датъ, терминовъ, выбросить всю фальсифицированную исторію, оба древніе языка, славянскій языкъ, всѣ ненужныя подробности, всѣ мелкіе, не связанные логическими связями факты, все сомнительное, основанное на суевѣріяхъ, все, что признано современною наукою ошибочнымъ; если выбросить все неважное и второстепенное и, не разбрасываясь въ мелочахъ, сосредоточиться только на главномъ и существенномъ; если внести въ курсъ общеобразовательной школы изученіе наиболѣе достовѣрныхъ законовъ

и безспорныхъ принциповъ, выраженныхъ въ широкихъ, простыхъ, опредѣленныхъ и ясныхъ формулахъ, иллюстрируемыхъ доступными для всѣхъ опытами и примѣрами; если вмѣсто обычныхъ методовъ и приѣмовъ преподаванія ввести новые рациональные, — то можно при значительномъ сокращеніи лѣтъ обученія въ гимназій достигнуть неизмѣримо болѣе высокихъ результатовъ.

Будущая общеобразовательная школа возьметъ изъ наукъ только самое цѣнное и достовѣрное и только наиболѣе общее и существенное. Если бы мы не могли сгустить въ небольшое число широкихъ обобщеній весь громадный матеріалъ человѣческихъ знаній, то мы не имѣли бы возможности двигаться впередъ, потому что нашъ мозгъ былъ бы заваленъ громаднымъ количествомъ хлама. Чѣмъ больше приобрѣтено человѣчествомъ знаній, тѣмъ больше они должны быть сгущены для общеобразовательной школы. При этомъ условіи на прохожденіе общеобразовательной школы потребуется значительно меньше времени. И тогда станетъ вполнѣ возможной для всѣхъ равная и даже обязательная общеобразовательная школа, безъ всякихъ подраздѣленій ея на начальную, низшую, среднюю и т. п. Школа, дающая несравненно больше, чѣмъ современная гимназія, перестанетъ казаться несбыточной мечтою.

Въ исторіи народнаго образованія всякаго педагога поражаетъ тотъ фактъ, что когда правительство устраивало учебныя заведенія и посылало въ нихъ учиться, то люди разнаго званія, — дворяне при Петрѣ I, крестьяне государственныхъ имуществъ при министрѣ Киселевѣ, — не хотѣли принимать даровъ, приносимыхъ правительствомъ, не скрывали своей ненависти къ ученю, и даже оказывали энергичное противодѣйствіе. Не помогали и привилегіи, щедро раздаваемыя учебными заведеніями всѣхъ типовъ. Петръ силою тащилъ дворянъ въ учебныя заведенія, позднѣе старшины палками загоняли крестьянскихъ дѣтей въ училища государственныхъ имуществъ, а между тѣмъ никто не станетъ отрицать, что потребность къ знанію присуща всѣмъ людямъ, не исключая ни дворянъ ни крестьянъ. Спросите профессоровъ, читающихъ лекціи въ университетѣ и на рабочихъ курсахъ, и они вамъ скажутъ, что они болѣе довольны вниманіемъ рабочихъ, живущихъ подъ гнетомъ вѣчной нужды и изнури-

тельнаго физическаго труда, чѣмъ студентами, располагающими несравненно большимъ досугомъ для научныхъ занятій. Кому не извѣстно, какъ охотно бѣгаютъ крестьянскія дѣти въ хорошую современную школу?

Если мы обратимъ вниманіе на то, что школа прошлаго стремилась приспособить учащихся къ извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ, что она ставила себѣ цѣлью не развитіе человѣка, а внѣшнія постороннія цѣли, — приготовить тѣхъ или другихъ профессиональныхъ работниковъ, нужныхъ для правительства; что она игнорировала естественныя природныя свободныя человѣческія стремленія и охоту и нерѣдко ставила противоестественныя, несогласованныя съ здоровыми человѣческими инстинктами задачи, то станетъ понятно, зачѣмъ требовались всевозможныя права, связанныя съ окончаніемъ курса, съ одной стороны, и палки старшинъ — съ другой, чтобы наполнить школы, учреждаемыя русскою бюрократіею.

Психологія доказала, что умъ, память, вниманіе и всѣ другія душевныя силы работаютъ наилучшимъ образомъ, даютъ наивысшіе результаты лишь тогда, когда ихъ работа не носитъ тягостнаго принужденія и насилія, когда она произвольна, сознательна и возбуждается здоровыми человѣческими стремленіями, природною любознательностью, интересомъ къ предметамъ изученія.

Съ другой стороны, если бы существовалъ человѣкъ безъ естественной любознательности, безъ вкуса, безъ чувствъ голода, жажды, усталости, боли и другихъ природныхъ стремленій, указывающихъ намъ дорогу къ здоровью и счастью, то самые лучшіе воспитатели и врачи не въ состояніи были бы поставить что-либо на мѣсто инстинктовъ и по всѣмъ правиламъ науки отправили бы такого человѣка на тотъ свѣтъ. Современная школа мало считается съ естественными стремленіями людей, и вотъ почему она требуетъ такой огромной затраты времени и силъ, а даетъ такіе ничтожные, и хорошо еще, если не одни отрицательные результаты.

Возьмемъ для примѣра географію и исторію. Что эти предметы можно сдѣлать чрезвычайно интересными, доказываетъ тотъ фактъ, съ какою жадностью читаются дѣтьми и подростками путешествія и историческіе рассказы, талантливо составленныя брошюры по географіи и по исторіи. А между тѣмъ современная школа ставитъ этотъ предметъ такъ, что

онъ, кромѣ отвращенія и скуки, ничего другого не возбуждаетъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ устраивались курсы для взрослыхъ. Въ числѣ предметовъ преподаванія объявили лекціи по исторіи и географіи. Въ первые же дни записались 604 слушателя, и все на такіе предметы, которыхъ не преподавалось въ школахъ, гдѣ слушатели получили первоначальное образованіе. Исторію же и географію никто не хотѣлъ слушать, — ни одинъ человѣкъ. Они говорили, что они уже знаютъ, что такое исторія и географія, что они учили эти предметы. И только тогда, когда ихъ удалось убѣдить, что имъ будутъ читать не ту исторію и географію, какую они учили въ школѣ, они стали посѣщать лекціи по этимъ предметамъ и очень скоро измѣнили свой взглядъ на нихъ.

Отвращеніе къ предметамъ обученія достигается въ нашихъ школахъ, какъ извѣстно, очень простымъ способомъ. Отъ учениковъ, благодаря программѣ, требуется огромное напряженіе памяти.

Попробуйте записывать ассоціаціи, которыя возникнутъ въ памяти окончившихъ нашу школу такъ называемыхъ образованныхъ людей, при словѣ рѣка, гора и т. д., и вы найдете, что болѣе половины воспоминаній придется на *имена* рѣкъ, горъ, а также городовъ, расположенныхъ на этихъ рѣкахъ и горахъ, и очень мало ассоціацій будутъ напоминать о роли рѣкъ и горъ въ геологіи, въ промышленности и торговлѣ, въ распространеніи культуры и пр. Такіе опыты убѣдятъ васъ, что память прошедшихъ нашу школу скорѣе напоминаетъ память ученаго попугая, чѣмъ память развитого и мыслящаго человѣка.

Что, кромѣ вреда, приноситъ ученикамъ этотъ хламъ и балластъ? Какой выводъ сдѣлаетъ ученикъ изъ этихъ безчисленныхъ собственныхъ именъ?

Когда военные и гражданскіе казнокрады тратятъ народные деньги на развратъ, на балы и пиры, мы справедливо протестуемъ. Но когда бюрократическая школа тратитъ силу благородныхъ клѣтокъ мозга нашихъ дѣтей на запоминаніе никому ненужныхъ именъ, въ родѣ Гваделупы, Кіу-сіу, Явы, Целебеса въ географіи, и на запоминаніе именъ фараоновъ и королей въ исторіи, числа тычинокъ и лепестковъ въ ботаникѣ, мы должны протестовать еще больше, потому что

человѣческій мозгъ дороже денегъ. И сколько жестокой изобрѣтательности, сколько злого ума и человѣконенавистническаго старанія употреблено было на пополненіе программъ всей этой номенклатурой, датами, иностранными словами, формулами, цифрами и проч.

Еще можно понять, почему отъ школяровъ требовали заучиванія мелкихъ фактовъ справочнаго характера до изобрѣтенія книгопечатанія. Бѣднякъ не могъ имѣть книгъ, справочной библіотеки, и надо было многое удержать въ памяти. Но теперь, когда за нѣсколько гривенниковъ можно купить справочную книгу по любой отрасли знаній, зачѣмъ забивать головы учащихся всевозможными свѣдѣніями справочнаго характера? Въ наше время ничего другого, кромѣ рутины и полицейскихъ соображеній, нельзя придумать въ оправданіе того, зачѣмъ современная школа приноситъ въ жертву памяти и разсудокъ и воображеніе подрастающихъ поколѣній.

Современная школа, руководимая полицейскими цѣлями, совершала великій грѣхъ, либо атрофируя въ дѣтяхъ естественныя человѣческія стремленія, либо давая имъ ненормальное направленіе.

Легко понять, что наилучшіе результаты получаются тогда, когда пріобрѣтенныя знанія являются отвѣтомъ на назрѣвшіе вопросы, выдвинутые внутреннимъ логическимъ процесомъ дѣтской мысли, когда ученикъ самъ ищетъ отвѣтовъ на эти вопросы. Наилучшее пониманіе предмета получается тогда, когда учитель держитъ вниманіе дѣтей на томъ, на чемъ они сами хотятъ сосредоточиться.

Отсюда огромное значеніе самодѣятельности въ дѣлѣ обученія. Огромное большинство великихъ писателей, ученыхъ и мыслителей Англіи, ея знаменитостей были самоучки. Изъ всѣхъ великихъ англійскихъ ученыхъ едва ли не одинъ Дарвинъ окончилъ университетъ, но и тотъ, по собственному его признанію, ничѣмъ не обязанъ университету. Эти самоучки въ огромномъ большинствѣ случаевъ принуждены были бороться съ крайнею нуждою и безчисленными внѣшними препятствіями на пути къ самообразованію. И все-таки они опередили тѣхъ, кто обладалъ и досугомъ, и матеріальнымъ остаткомъ, и, казалось, всѣми учебными средствами. И это понятно. Въ то время, какъ современное школьное обученіе построено на дрессировкѣ, на «слѣпомъ, пустомъ и рабскомъ

подражаніи», на авторитетѣ и рутинѣ, и ведетъ къ порабощенію подрастающихъ поколѣній стариками, — самоучка руководится большею частью своими внутренними потребностями и запросами, естественными стремленіями къ творчеству, и къ изслѣдованію причинныхъ связей между явленіями.

Мы не можемъ входить здѣсь во всѣ детали педагогики и дидактики, но мы могли бы доказать, что современное школьное обученіе почти совершенно чуждо такъ называемому эвристическому методу обученія. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что ученикъ ставится въ положеніе изслѣдователя, когда ему даютъ лишь данныя для рѣшенія вопроса, факты и справки, а выводы и обобщенія дѣлаетъ онъ самъ.

Когда Пифагоръ принесъ въ жертву богамъ сто быковъ, когда Архимедъ, въ экстазѣ, бѣжалъ голый по улицамъ и кричалъ: «эврика», то ихъ радость вызвана была сдѣланными открытіями, а не заучиваніями данныхъ фактовъ. И мы понимаемъ философа, который говоритъ, что если бы ему предлагали на выборъ въ одной рукѣ истину, а въ другой путь къ истинѣ, то онъ безъ всякихъ колебаній выбралъ бы путь къ истинѣ.

Это наслажденіе искать и открывать, врожденные инстинкты изслѣдователя и изобрѣтателя были тѣми двигателями, которые подняли человѣческой гений на неизмѣримую высоту. Но эти инстинкты и этотъ даръ присущи не только Сократу, Ньютону, Спинозѣ, но и всякому здоровому ребенку, если бы только уродливое воспитаніе нашего времени не искалѣчивало этихъ благородныхъ стремленій человѣческаго духа. Ребенокъ — это типичный изслѣдователь и экспериментаторъ. Онъ изслѣдуетъ все, что бросается ему въ глаза, что обратитъ на себя его вниманіе.

Но школа, руководимая бюрократіей, систематически, съ ранняго дѣтства, забиваетъ эти дары природы. Она преподноситъ ученику готовые выводы, требуетъ, чтобы онъ принималъ ихъ на вѣру, безъ возраженій, чтобы онъ преклонялся передъ авторитетомъ одобренныхъ бюрократіей учебниковъ.

Здѣсь все приготовлено заранѣе: — и выводы, и правила, и обобщенія. Ученику остается только повторять эти чужіе выводы, чужія мысли, чужія слова и запомнить ихъ для экзамена. Что же удивительнаго, если изъ него выйдетъ нѣчто въ родѣ сомнамбулы, слѣпо, не разсуждая, повиную-

шагося каждому авторитетному приказанію. Что удивительнаго, если въ немъ атрофируется способность сравнивать, обобщать, дѣлать выводы, производить изслѣдованія, формулировать законы и правила, а развивается только механическая память, необходимая для всевозможныхъ экзаменовъ. Его учили чужимъ словамъ и чужимъ мыслямъ, а не процессу мышленія. Онъ не умѣетъ учиться самостоятельно. Весь этотъ матеріаль готовыхъ, заученныхъ мыслей, никому и ни на что ненужныхъ именъ и мелкихъ фактовъ становится стѣною между умомъ ученика и Божіимъ міромъ. За этою стѣной онъ уже ничего не видитъ, не слышитъ и не понимаетъ.

Быть-можетъ, такое воспитаніе годится для раба, турецкаго чиновника или солдата, безъ личной инициативы, слѣпо повинующихся чужой волѣ, но оно совершенно не годится для человѣка, который самъ долженъ добывать себѣ средства къ жизни, воспитывать своихъ дѣтей, подавать мнѣніе въ земствѣ, на сходѣ, при парламентскихъ выборахъ. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ нужно умѣть самому найти необходимыя и достовѣрныя данныя и справки и самому же, на основаніи ихъ, сдѣлать правильный выводъ, — какъ разъ то, отъ чего съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отучаетъ его наша современная школа.

И въ то же время современная школа развиваетъ въ дѣтяхъ ослиное терпѣніе и подавляетъ личную предприимчивость и активную энергію.

Быть-можетъ, такіе люди нужны были во времена господства неприкосновеннаго авторитета, но въ наше время такіе люди не только не нужны, а вредны. И только одинъ приказный строй, въ ослѣпленіи своего корыстолюбія, съ жестокостью, превзошедшей подвиги Торквемады, вотъ уже въ теченіе цѣлаго столѣтія гонитъ въ отдаленныя мѣста, и весь путь отъ центра до Сахалина покрываетъ могилами людей, осмѣлившихся самостоятельно мыслить... Наша эпоха одной своей чертою напоминаетъ эпоху Сократа. Всѣ мы читали, какъ Сократъ въ борьбѣ съ научнымъ шарлатанствомъ путемъ вопросовъ обнаруживалъ пустоту звонкихъ фразъ, съ помощью которыхъ софисты морочили публику. Все значеніе его ученія заключалось не въ томъ, чему онъ училъ, а въ томъ, какъ онъ отыскивалъ самъ истину и какъ руководилъ другихъ въ поискахъ за истиной. Въ эпоху, ему

предшествовавшую, греки руководились учениями, передававшимися отъ отцовъ къ дѣтямъ и воспринимаемыми безъ критики и почти безъ разсужденій. Но мало-по-малу довѣріе къ этимъ учениямъ падало. И когда всякіе авторитеты были низложены и кумиры повержены, насталь моментъ искать опоры въ своемъ собственномъ разумѣ. Отсюда—требованіе Сократа: «Познай самого себя». Рядомъ вопросовъ Сократъ доводилъ собесѣдника до самыхъ общихъ и возвышенныхъ положеній.

Мы въ настоящее время тоже переживаемъ моментъ, когда традиціонныя вѣрованія рушатся, когда старые кумиры повержены, когда общепризнанныхъ авторитетовъ болѣе не существуетъ. Теперь каждому изъ насъ приходится мыслить и дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, руководиться не ходячими мнѣніями, а велѣніями собственного разсудка. И потому въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, школа должна заботиться о томъ, чтобы подготовить учащихся къ самостоятельному мышленію. Надо, чтобы ученики привыкли сами дѣлать выводы изъ фактовъ, пользуясь научными приемами изслѣдованія. А этого мы можемъ достигнуть лишь тогда, когда будемъ ставить учениковъ въ положеніе изобрѣтателей и изслѣдователей, когда заставимъ ихъ переживать тѣ же психическіе процессы, какіе переживаетъ изслѣдователь.

Мы не сомнѣваемся, что будущая школа, руководимая демократіей, свергнетъ гнетъ столько же своекорыстныхъ, сколько и тупоумныхъ, руководителей просвѣщенія. Будущая педагогія сумѣетъ основать ученіе на самостоятельности учащихся, сумѣетъ сохранить и развить до возможнаго совершенства лучшіе дары природы, — стремленіе и способность къ изслѣдованію, и нетрудно предсказать, что это одно въ состояніи вызвать такой расцвѣтъ просвѣщенія, науки и техники, о которыхъ мы въ настоящее время не смѣемъ и мечтать.

Это одно пробудить дремлющія силы даровитаго народа, заставить бить ключомъ энергичную жизнь, откроетъ самыя широкія перспективы въ области экономической, соціальной, умственной и нравственной.

Требуя простора для самостоятельности учащихся, заявляя о необходимости итти навстрѣчу стремленіямъ, стараться сдѣлать предметъ обученія интереснымъ, мы совсѣмъ не хотимъ приносить въ жертву этому интересу содержанія, по

въ то же время мы не хотимъ приносить въ жертву содержанию и интересъ обученія. Мы полагаемъ, что рациональная программа и методы обученія удовлетворяютъ обоимъ этимъ требованіямъ.

Кто близко изучалъ дѣтей, тотъ знаетъ, что они питаютъ непреодолимое отвращеніе къ хронологіи, собственнымъ именамъ, мелкимъ фактамъ и вообще ко всему тому, что они не могутъ связать логическими, разумными связями. Но это самое и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего современнаго обученія.

Если мы заглянемъ внутрь себя, то мы найдемъ тамъ не только состояніе сознанія, но еще и связи между ними. Не количество и разнообразіе воспринятыхъ матеріаловъ, но, главнымъ образомъ, обработка ихъ, — вотъ что даетъ вѣсь и цѣну нашему умственному багажу.

Подобно тому, какъ одна сумма вещества въ животномъ не характеризуетъ еще степени развитія (китъ вѣситъ въ 200 разъ больше обезьяны, но гораздо глупѣе ея), такъ точно и количество знаній далеко еще не характеризуетъ умственнаго развитія. Одна идіотка знала наизусть нѣсколько томовъ исторіи. Если бы можно было выучить на память цѣлую бібліотеку, то это еще не сдѣлало бы насъ развитыми и образованными. Нужны связи между знаніями, нужна гармонія. Наши мысли ясны только тогда, когда онѣ хорошо связаны другъ съ другомъ. Узнать предметъ, это значитъ опредѣлить его связь съ другими предметами. Сократъ или Кантъ, прожившіе почти всю жизнь въ маленькомъ городѣ, видѣли и слышали гораздо меньше какого-нибудь путешественника, но они лучше связывали видѣнное и слышанное. Лапласъ только однажды посмотрѣлъ въ телескопъ, да и то, говорятъ, съ другого конца; но это не помѣшало ему выдумать систему, удивившую всѣхъ астрономовъ.

Мыслить — это значитъ связывать идеи другъ съ другомъ; хорошо мыслить — это значитъ хорошо соединять. Быть развитымъ — это значитъ обладать наибольшимъ запасомъ наиболѣе важныхъ и наилучше связанныхъ между собою образовъ и понятій.

Но связь связи рознь. Связь тѣмъ лучше, чѣмъ вѣрнѣе она отражаетъ реальныя связи, существующія въ природѣ и жизни. Но міръ со всѣми своими связями отражается въ

нашей душѣ, и человекѣкъ усвоиваетъ эти постоянныя связи. «Сама логика, — по удачному выраженію философа, — это отраженіе въ нашемъ умѣ связей между явленіями въ природѣ». «Живой мозгъ представляетъ собою, — по образному выраженію другого философа, — миниатюрное повтореніе вселенной».

Правда, всѣ эти связи отражаются въ нашемъ умѣ далеко не совершенно. Мы живемъ въ крошечномъ уголкѣ міра и о другихъ частяхъ не имѣемъ понятія. Даже и въ той точкѣ міра, гдѣ мы живемъ, мы далеко не все знаемъ и не все понимаемъ. Тѣмъ не менѣе, современный человекѣкъ вѣрнѣе представляетъ себѣ жизнь и природу, чѣмъ люди XVIII вѣка. Исторію цивилизаціи можно разсматривать, какъ постепенное приспособленіе нашего ума къ природѣ и жизни.

Руководится ли наша школа только что изложенными соображеніями? Она дѣйствуетъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Все въ ней разрознено, безсвязно. Конечно, это отчасти объясняется крайней спеціализаціей знаній. Я помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ популярный и широко образованный профессоръ Московскаго университета въ первый разъ въ жизни услышалъ названіе неизвѣстной ему науки отъ своего товарища. Но спеціализація знаній, быть-можетъ, вполне законная въ профессиональныхъ школахъ, не должна имѣть мѣста въ общеобразовательной школѣ. А между тѣмъ связь между различными предметами преподаванія выражается развѣ лишь въ томъ, что всѣ предметы преподаются въ одной и той же школѣ, въ теченіе одного и того же курса. Но это связь не логическая, не та, какая нужна для развитія.

Удивительно ли послѣ этого, что въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ сплошь и рядомъ уживаются предрасудки и суевѣрія рядомъ съ опредѣленными научными теоріями.

Понятна становится и вся невообразимая путаница въ нашей общественной, семейной и личной жизни. Недостаткомъ въ послѣдовательности мысли можно отчасти объяснить, почему такъ часто мы наблюдаемъ быструю смѣну теченій въ одной и той же интеллигентной головѣ. Отъ народничества переходятъ къ марксизму, отъ ортодоксовъ къ бернштейнству, отъ реализма къ декадентству и символизму, отъ пози-

тивизма къ метафизикѣ, оккультизму и мистицизму. При каждомъ переходѣ отъ одного воззрѣнія къ другому мы обыкновенно очень много шумимъ, но по кажущейся бурѣ нельзя судить о глубинѣ, продуманности и стройности нашихъ мнѣній. Скорѣе этотъ шумъ напоминаетъ импульсивность дикаря или ребенка, у котораго всѣ поступки такъ же порывисты, рѣшенія такъ же внезапны и быстры, увлеченія такъ же бурны.

Въ какой другой странѣ возможно насчитать столько ренегатовъ, измѣнившихъ идеаламъ молодости, забывшихъ аннибалову клятву юности, и въ зрѣломъ возрастѣ перешедшихъ изъ среды угнетаемыхъ въ станъ угнетателей? Быть-можетъ, явленія этого порядка обуславливаются еще и другими причинами, но нельзя отрицать, что въ числѣ причинъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ указанные выше недостатки школъ.

Мы не сомнѣваемся, что будущая школа, руководимая не полицейскими, а педагогическими соображеніями, обратитъ серьезное вниманіе на то, чтобы всѣ предметы преподаванія были связаны въ головахъ учащихся логическими связями, соотвѣтствующими природѣ и жизни. И эти связи будутъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что даетъ послѣднее слово науки, а не пережитки и суевѣрія. Какое вліяніе это преобразование окажетъ на всѣ стороны человѣческой жизни, объ этомъ нечего и говорить. Это будетъ величайшимъ и лучшимъ изъ всѣхъ переворотовъ, о какихъ мы можемъ мечтать.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ школѣ, насчитывающей до 1.000 учащихся, я произвелъ статистическое изслѣдованіе, описанное въ свое время въ специальномъ журналѣ, по вопросу о томъ, насколько усвоивается дѣтьми одинъ и тотъ же урокъ, при наглядномъ обученіи и при исключительно словесномъ способѣ обученія. Изслѣдованіе было обставлено такимъ образомъ, что всѣ остальные условія опыта (одни и тѣ же ученики, учащіе, одни и тѣ же уроки, одно и то же изложеніе, одно и то же время) были уравниены. И оказалось, что стоитъ къ словесному объясненію присоединить опытъ, и число успѣшныхъ учениковъ сразу увеличится почти вчетверо, а число неуспѣвающихъ учениковъ уменьшится въ 8 разъ, число обстоятельныхъ отвѣтовъ увеличится въ девять

разъ. И эти цифры вполне подтверждаютъ принципъ, провозглашенный еще Коменскимъ, Руссо, Песталоцци. Этотъ принципъ заключается въ томъ, чтобы все, что можетъ быть передано ребенку нагляднымъ путемъ опытовъ и наблюдений, и было передано именно такъ, а не иначе. Этотъ принципъ былъ перенесенъ на русскую почву въ 60-хъ годахъ; но затѣмъ онъ неоднократно подвергался преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей церковно-приходской школы писалъ, что этотъ принципъ, какъ и вся современная педагогика, годится для Запада, который не знаетъ таинства миропомазанія, но совершенно не годится для православныхъ, которые съ названнымъ таинствомъ получаютъ духовные дары, недоступные всѣмъ иновѣрцамъ. Другіе педагоги высмѣиваютъ наглядное обученіе и утверждаютъ, будто можно дать наглядное представленіе о предметѣ посредствомъ одного только слова. Но что такое слово? Кто-то справедливо сравниваетъ наше познаніе съ ассигнаціоннымъ банкомъ, гдѣ слово соотвѣтствуетъ банковому билету, а золотой монетѣ—наглядная воспріятія. Слово безъ наглядныхъ воспріятій—это вексель, котораго нечѣмъ уплатить. Милліоны, значащіеся въ такихъ векселяхъ, стоятъ дешевле одной золотой монеты. И самый небольшой запасъ собственнаго опыта дороже милліоновъ чужихъ, заученныхъ словъ.

Даже искусство процвѣтаетъ только тогда, когда оно жизненно и реально, когда оно беретъ содержаніе изъ наблюдений. Не даромъ всѣ эпохи, когда искусство шло по другой дорогѣ, были временемъ упадка, а вѣка, когда художники снова возвращались къ требованіямъ жизненной правды, къ наблюденіямъ надъ природою и жизнью, были эпохами возрожденія и расцвѣта. А о наукѣ и практической дѣятельности нечего и говорить. Адаму Смиту внушили его знаменитую политико-экономическую систему наблюденія надъ небольшою общиною рыбаковъ и ткачей. Какой жалкой пародіей на науку было естествознаніе въ Европѣ, когда его единственными источниками были книги древнихъ. И какой изумительный, никогда раньше небывалый расцвѣтъ этой обширной отрасли знаній наступилъ въ тотъ вѣкъ, когда ученые во главу угла положили наблюденіе и опытъ. Безъ наблюдений и опытовъ нельзя шага шагнуть и въ практической дѣятельности.

Намъ возражать, что въ жизни важнѣе всего умъ, логика. Конечно, умъ—великое дѣло; но для ума нужны матеріалы, факты, данныя, справки, и если эти матеріалы не будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности, то самый величайшій геній и самая строгая логика придутъ къ ложнымъ выводамъ.

То, что мы воспринимаемъ наглядно, не требуетъ отъ насъ ни усилій ни доказательствъ, а лишь вниманія. Все воспринимаемое такимъ путемъ, не вызываетъ въ насъ ни сомнѣній ни колебаній.

Все только что сказанное можетъ быть отнесено и къ взрослому, развитому человѣку; но въ дѣтскомъ возрастѣ наглядность обученія имѣетъ особое, исключительное значеніе.

Самою первою по времени своего развитія изъ душевныхъ способностей интеллектуальнаго характера является способность наблюдать, воспринимать впечатлѣнія отъ внѣшняго матеріальнаго міра. Въ поискахъ за новыми наблюденіями ребенокъ готовъ и на нѣкоторыя жертвы. Онъ проникаетъ и туда, откуда его выгоняютъ, гдѣ его бранятъ, гдѣ онъ рискуетъ даже быть побитымъ.

Таковы эти маленькіе изслѣдователи природы и жизни. Въ какой-нибудь годъ времени они производятъ гораздо больше наблюденій, чѣмъ самый усердный естествоиспытатель. Но они—не только пассивные наблюдатели. Имъ еще больше нравится дѣятельная роль экспериментатора. Случайно сдѣланный опытъ надъ свѣтомъ, звукомъ, паденіемъ тѣла и проч., какой-нибудь юный изслѣдователь, какъ настоящій Паскаль или Ньютонъ, повторяетъ затѣмъ намѣренно. Не даромъ говорятъ, что ребенку подобаешь быть реалистомъ, юношѣ—идеалистомъ, а взрослому—скептикомъ. Лучше ужъ совсѣмъ не учить ребенка, чѣмъ ограничивать его обученіе только пустыми именами да словами.

Итакъ, если одна наглядность въ преподаваніи увеличиваетъ успѣшность обученія вчетверо и вдевятиро; если одно исключеніе изъ школьнаго курса ненужнаго и вреднаго балласта значительно сократитъ время прохожденія курса; если интересъ обученія возвыситъ продуктивность школьной работы, благодаря усиленію памяти, вниманія и сообразитель-

ности учащихся; если логическая связность преподаванія каждаго предмета въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ дастъ небывалую основательность и прочность образованію учащихся; если эвристическій методъ подниметъ ихъ самодѣятельность, — то возможность единой, обязательной и всеобщей для всѣхъ нормальныхъ дѣтей, не исключая и самыхъ бѣдныхъ, доступной общеобразовательной школы, безъ раздѣленія ея на высшую, среднюю и низшую, не можетъ представляться чѣмъ-то утопическимъ и несбыточнымъ. Самое высшее общее образованіе должно быть доступно и обязательно для всѣхъ. Но въ то же время нельзя не сказать, что въ данный моментъ для его достиженія у насъ нѣтъ ни надлежаще подготовленныхъ учителей ни вполне разработанныхъ методовъ преподаванія, нѣтъ необходимыхъ образцовъ, не говоря уже о матеріальныхъ средствахъ. Тѣмъ не менѣе, организовавшаяся у насъ Лига народнаго образованія должна поставить этотъ идеаль на своемъ знамени, какъ ту цѣль, къ осуществленію которой должны быть направлены всѣ наши усилія, всѣ ступени въ дѣлѣ народнаго образованія, чрезъ которыя мы должны пройти въ ближайшее къ намъ время. Только такой идеаль дастъ нашимъ практическимъ начинаніямъ и въ данный моментъ и въ ближайшемъ будущемъ надлежащія перспективу и освѣщеніе. Только при свѣтѣ этого идеала мы въ состояніи будемъ дать правильную оцѣнку каждому изъ своихъ начинаній и въ данный моментъ и въ послѣдующія за нимъ, болѣе благопріятныя времена. Только при осуществленіи такой цѣли всеобщее избирательное право будетъ дѣйствительно всеобщимъ, потому что только образованный народъ будетъ подавать голоса сознательно, а не подъ вліяніемъ гипноза. Во Франціи послѣ крушенія стараго порядка, во время самаго крайняго разгара политическихъ страстей, всеобщимъ лозунгомъ были знаменитыя слова: «Послѣ хлѣба образованіе представляетъ первую потребность народа». Мы знаемъ, что эта потребность не была своевременно удовлетворена, и мы знаемъ послѣдствія: деспотизмъ Наполеона, опиравшагося на невѣжество массъ. Будемъ надѣяться, что, спустя цѣлое столѣтіе, другой великій народъ, при аналогичныхъ условіяхъ, не сдѣлаетъ такой же роковой ошибки.

Тяжба между общимъ и профессиональнымъ образованіемъ ¹⁾.

Было время, когда объ общемъ образованіи никто не думалъ. Въ средніе вѣка педагоги ставили своей цѣлью выучку тому, чего требовали отъ нихъ практическія задачи вѣка, и забывали объ ученикѣ. Католическому духовенству нужны были клирики, и школы должны были готовить клириковъ. Городамъ и феодаламъ нужны были писцы, и школы должны были готовить писцовъ. Школы же готовили пѣвчихъ. Это была профессиональная, а иногда и подготовительная къ спеціальной высшей школѣ, гдѣ подготавливались тоже спеціалисты: богословы, юристы и врачи, но не общеобразовательная школа. Она преслѣдовала интересы духовенства, феодаловъ и проч., но не заботилась о самомъ ученикѣ. Приемы преподаванія, расположеніе учебнаго матеріала выводились не изъ анализа природы ученика, согласовались не со свойствами и способностями учащихся, а были результатомъ анализа (удачнаго или нѣтъ, — все равно) предметовъ, какіе надо было преподавать дѣтямъ. Но анализъ предмета очень часто даетъ расположеніе матеріала, обратное тому, чего требуетъ природа дѣтей, ихъ способности, ихъ интересы. Это естественное при такомъ взглядѣ на школу забвеніе природы учащихся приводитъ къ тому, что учење становится мукою, внушаетъ отвращеніе дѣтямъ. Отсюда — необходимость въ розгѣ и другихъ видахъ тѣлеснаго наказанія, чтобы заставить дѣтей учиться. По мѣрѣ того, какъ дѣти привыкаютъ къ наказаніямъ, низшія степени этихъ наказаній перестаютъ дѣйствовать, — наступаетъ необходимость усиливать ихъ все болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока учителя не превратятся, по вѣрному выраженію гуманистовъ эпохи возрожденія, въ разбойниковъ, мясниковъ, палачей, тирановъ. Вотъ естественный логически-неизбѣжный результатъ навязыванія народной школѣ постороннихъ задачъ, забвенія природы, силъ и способностей ребенка, привычки выводить методы и приемы преподаванія не изъ анализа душевныхъ силъ ребенка, а изъ анализа пред-

¹⁾ Статья эта первоначально была помѣщена въ „Русскомъ Словѣ“ за 1906 г.

метовъ преподаванія. Но мало-по-малу люди приходятъ къ мысли, что начальное образованіе само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ профессиональнымъ и партійнымъ цѣлямъ, имѣеть значеніе.

Первыми пионерами на этомъ пути были великіе итальянскіе гуманисты. Они нашли «человѣка въ человѣкѣ», освободили личность отъ нравственнаго порабощенія католицизмомъ и феодализмомъ, провозгласили неотъемлемое право личности на свободное развитіе своихъ силъ и на удовлетвореніе своихъ потребностей. Чтобы охарактеризовать дальнѣйшее развитіе этого движенія, достаточно назвать Коменскаго, Рахова, Руссо, Песталоцци. Благодаря имъ, широко распространилась мысль, что законы воспитанія и обученія должна предписывать человѣческая природа, что вся педагогика должна быть основана на изученіи природы человѣка и ребенка. Создалось цѣлое движеніе, своего рода эра, въ области народнаго образованія. Смыслъ этого могущественнаго теченія позднѣйшихъ временъ, опрокидывающаго на пути своемъ всѣ препоны, заключается въ томъ, что народное образованіе цивилизованные народы начинаютъ разсматривать не какъ средство къ достиженію тѣхъ или другихъ политическихъ, религіозныхъ, практическихъ, экономическихъ и т. п. задачъ; они приходятъ къ мысли, что развитіе природныхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ народа само по себѣ представляетъ задачу такой огромной важности, что дѣло это необходимо поставить внѣ различныхъ классовъ и утилитарныхъ соображеній, постороннихъ и партійныхъ вліяній и выше ихъ. Школа была подчиненнымъ учрежденіемъ, а теперь она стремится стать независимой. Она была орудіемъ въ рукахъ другихъ учреждений, а теперь она сама ставитъ себѣ свои цѣли, и съ этихъ поръ школа поднимаетъ свои задачи—такое плодотворное значеніе великой идеи—до высоты, до которой едва достигали самыя пылкія мечты величайшихъ геніевъ, жившихъ въ вѣка, намъ предшествующіе. Мало этого: именно съ этихъ поръ школа, прогрессируя въ высоту, быстро распространяется и въ ширь. Раньше она была дѣломъ благотворительности; теперь—это одна изъ важнѣйшихъ обязанностей общества и государства. Начальное образованіе дѣлается теперь всеобщимъ, общедоступнымъ, даровымъ и обязательнымъ; оно становится не только общественнымъ,

но и всенароднымъ, общегосударственнымъ, даже всемірнымъ дѣломъ.

Приблизительно то же самое происходило и у насъ, въ Россіи. Было время, когда никто и не думалъ объ общеобразовательной школѣ. Школы должны были готовить священниковъ и клириковъ, это — духовныя школы. Другія должны были готовить моряковъ, офицеровъ, чиновниковъ и проч. Были школы для купцовъ. Были школы сословныя: для дворянъ, для духовенства, для мѣщанъ, для крестьянъ. Школы подраздѣлялись даже по чинамъ отцовъ: для крупныхъ чиновъ особо привилегированныя школы, для мелкихъ чиновниковъ и офицеровъ — другія. Основнымъ принципомъ было: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Громогласно провозглашалось требованіе удержать низшія сословія государства въ предѣлахъ соразмѣрности съ гражданскимъ ихъ бытомъ, въ отношеніи къ образованію ихъ дѣтей, и побудить ихъ ограничиваться уѣздными училищами и обученіемъ, въ этихъ заведеніяхъ доставляемымъ. Были школы для дѣтей кантонистовъ. Не существовало только одной общеобразовательной школы. Даже въ ближайшія къ намъ времена такія школы, какъ гимназіи и уѣздныя училища, стоявшія, повидимому, ближе другихъ къ общеобразовательнымъ школамъ, и тѣ имѣли въ виду подготовленіе къ государственной службѣ и давали окончившимъ курсъ извѣстныя права на полученіе чиновъ и должностей. Правда, и теперь даже на Западѣ общему образованію далеко до идеала. На школу давить рутина, дурныя традиціи, предрасудки. Съ рациональной школой ведетъ борьбу клерикализмъ, косные реакціонеры, политическія партіи, боящіяся движенія впередъ. Въ программахъ школы еще много никуда негоднаго хлама. Школа неохотно даетъ мѣсто послѣднимъ выводамъ науки, какъ бы цѣнны они ни были. Въ средней школѣ еще и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ царитъ классицизмъ, и ко многимъ юношамъ и до сихъ поръ примѣнимы тѣ слова, съ какими Карлъ Баръ въ первой половинѣ прошлаго вѣка обратился къ студентамъ Кенигсбергскаго университета: «Я нисколько не сомнѣваюсь, что между вами, гг. слушатели, нѣтъ ни одного, который бы не зналъ, что Капитолій въ Римѣ былъ спасенъ гоготаньемъ гусей, и въ то же время, конечно, никто между вами, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ врачей, не

знаеть состава гусинаго яйца. Да и вообще очень многіе изъ дѣльныхъ нѣмецкихъ учителей совершенно не знали бы, что птицы несутъ яйца, если бы объ этомъ не упоминалъ Плиній!» Все это такъ, но принципы Коменскаго, Руссо и Песталоцци дѣлають все больше и больше завоеваній, и недалеко время, когда рутина и реакція будутъ побѣждены. Впервые мысль объ общеобразовательной школѣ горячо и громко высказана въ эпоху 60-хъ годовъ. Движеніе 60-хъ годовъ въ области обученія и воспитанія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, чтобы надо было подробно на немъ останавливаться. Достаточно только напомнить о немъ, чтобы подтвердить тотъ же самый выводъ, къ которому приходишь, изучая исторію западной школы.

Справедливо говорятъ, что новое движеніе въ школьномъ дѣлѣ началось со статьи Пирогова. Пирогова и Ушинскаго называли отцами русской педагогіи. Но смыслъ этого движенія, поднятаго Пироговымъ, и заключался именно въ томъ, чтобы общая школа не преслѣдовала никакихъ другихъ задачъ, кромѣ одной: воспитать человѣка. Кто изъ насъ не читалъ его «Вопросовъ жизни»? Кто не помнитъ его эпиграфа? «Къ чему вы готовите вашего сына? — Быть человѣкомъ», отвѣчаетъ Пироговъ. Правда, ему возражають, что человѣка собственно нѣтъ, что это простое праздное отвлеченіе, что намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, мастеровые, юристы, чиновники, а не «люди». Но мы помнимъ, какъ гениально разбилъ Пироговъ своихъ оппонентовъ. «Не ищи ничего въ школѣ, какъ быть человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И эта мысль стала лозунгомъ широкаго движенія въ области обученія и воспитанія.

Мы хорошо знаемъ, каковы были послѣдствія этого движенія, этого принципа. Что такое была русская школа до статьи Пирогова? Казарма съ ея порядками, розгами, зубристикой, дрессировкой, вселявшими ужасъ въ дѣтяхъ. Чѣмъ стала школа, гдѣ руководились идеями Пирогова? Радостью дѣтей, мастерской гуманности. Прежде нужны были палки старшихъ, чтобы загонять дѣтей въ народную школу. А послѣ Пирогова и Ушинскаго школьные стѣны не вмѣщали всѣхъ дѣтей, желающихъ учиться. Дѣти шли туда не изъ-за правъ, не изъ-за выгодъ, какъ это имѣло бы мѣсто въ

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: народная школа не даетъ правъ. Они шли не по принужденію родителей, иногда даже препятствовавшихъ обученію дѣтей. Они шли добровольно, иногда замерзая отъ холода, питаясь черствымъ хлѣбомъ по цѣлымъ недѣлямъ. Отчего не было этого раньше? Какая чудодѣйственная сила могла въ нѣсколько лѣтъ народную школу, устроенную по типу казармы и бурсы, справедливо сравниваемую нашимъ талантливымъ критикомъ съ «Мертвымъ домомъ» Достоевскаго, превратить въ любимое мѣсто для дѣтей? Это чудо сдѣлала идея о томъ, что у общеобразовательной школы не должно быть никакихъ другихъ задачъ, кромѣ одной — приготовить человѣка, развить его природныя способности.

И всякій разъ, когда эта мысль становится ясною среди педагоговъ и среди общества, мы можемъ констатировать и фактами и цифрами усиленное движеніе въ пользу народнаго образованія, его быстрое развитіе вверхъ, но въ то же время не менѣе замѣтное распространеніе въ ширь; мы можемъ установить быструю переменъ въ отношеніяхъ къ школѣ не только взрослому населенію, но и учащимся. И это потому, что чѣмъ выше цѣли, поставленныя передъ школою, тѣмъ сильнѣе онѣ импонируютъ на мнѣнія людей, будятъ общественную и частную инициативу, возбуждаютъ энергію въ общественныхъ дѣятеляхъ. И, наоборотъ, каждый разъ, когда забываются эти великія слова, когда на школу начинаютъ смотрѣть какъ на орудіе къ достиженію постороннихъ цѣлей (я не одни профессиональныя знанія имѣю въ виду), школьное дѣло замираетъ, перестаетъ привлекать къ себѣ сочувствіе и со стороны общества, и со стороны народа, и прежде всего со стороны дѣтей.

Наступившая послѣ 60-хъ годовъ реакція была крайне неблагоприятна для общеобразовательной школы. Средняя школа стала попрежнему готовить къ казенной карьерѣ, родители на нее смотрѣли то какъ на преддверіе либо въ департаментъ, либо въ палату и канцелярію, либо въ полкъ, то какъ на подготовительную школу къ специальному образованію: врача, инженера и проч. Министерство требовало отъ нея, чтобы она охлаждала умы, закупоривала мозги отъ вѣяній времени, готовила послушныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ.

Народная школа стала изображать собою крѣпость, осаждаемую со всѣхъ сторонъ. Одни хотѣли, чтобы народная школа приготовляла пахарей; другіе — огородниковъ, садовниковъ, пчеловодовъ, шелководовъ; третьи — столяровъ и сапожниковъ; четвертые — пѣвчихъ и церковныхъ чтецовъ; пятые — писцовъ и счетоводовъ и т. д. И въ соотвѣтствіи съ такими взглядами на школу мы встрѣчались въ послѣдніа десятилѣтія и въ нашей педагогической литературѣ съ попытками снова воскресить схоластику среднихъ вѣковъ, обосновать и распредѣленіе учебнаго матеріала и методы преподаванія на одномъ анализѣ учебныхъ предметовъ.

Напрасно современные составители учебниковъ для народныхъ школъ, предлагая тѣ же средневѣковые приемы, маскируютъ ихъ фразою: «То, что даетъ анализъ учебнаго предмета, то самое будетъ впору ученику, потому что законы мышленія всеобщі». Нѣтъ, законы мышленія не настолько всеобщі, какъ думаютъ авторы современныхъ учебниковъ для народныхъ школъ. Взрослые люди, двигающіе науку, мыслятъ отвлеченными понятіями, а ребенку нужны образы, формы, краски, звуки, наглядные предметы. Люди науки въ совершенствѣ владѣютъ дедуктивными методами мышленія, а ребенку дедукція чужда и непосильна. Для спеціалиста-астронома глазъ долженъ быть приспособленъ къ телескопу. Общеобразовательная школа развиваешь глазъ всесторонне, то приспособляя его къ рисованію, то къ чтенію, то къ письму, то къ наблюденію растений, животныхъ, природы и людскихъ дѣлъ.

Нѣтъ, умственное и нравственное развитіе народа не есть только средство къ достиженію какихъ-либо другихъ постороннихъ цѣлей, а само по себѣ представляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени, что начальная школа должна ставить сама себѣ задачи, что она — не орудіе въ рукахъ тѣхъ или другихъ группъ для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, а самостоятельное, независимое отъ постороннихъ соображеній, учрежденіе. Если бы эта мысль проникла во всѣ слои русскаго общества и прежде всего въ педагогическую профессію, то при выборѣ матеріаловъ для преподаванія руководились бы не тѣмъ, какіе изъ этихъ матеріаловъ нужны земледѣльцу, ремесленнику, плательщику податей, солдату, купцу и т. п. или же требуются какими-либо другими соображеніями, а только тѣмъ, какіе матеріалы

лучше всего содѣйствуютъ умственному и нравственному развитію ребенка. Тогда бы расположеніе этого матеріала по годамъ обученія, методы, приемы преподаванія выводились не изъ анализа предметовъ, поставленныхъ въ программахъ, а изъ анализа природы ребенка, его способностей, наклонностей, интересовъ, стремленій, запросовъ. Тогда бы школа, отдавая должное развитію глаза и кисти руки, обратила бы самое главное вниманіе на знанія и упражненія, развивающія мыслительныя способности ребенка. Тогда бы открытіе школь мотивировалось не тѣмъ только, что крестьянину надо умѣть написать и прочесть письмо, расписку, повѣстку и т. д., а тѣмъ, главнымъ образомъ, что и крестьянину и мѣщанину, какъ и всякому другому человѣку, прежде всего необходимо умственное и нравственное развитіе, — безусловно необходимо не только потому, что оно лучше поможетъ каждому выполнить всѣ его и общественныя и семейныя обязанности, поможетъ лучше устроить свою личную жизнь, но необходимо само по себѣ, какъ цѣль, къ которой мы должны стремиться. Тогда бы думали не о томъ только, чтобы приготовить хорошихъ работниковъ, а и о томъ, чтобы приготовить хорошихъ людей. Тогда бы не было мѣста никакому насилію въ школахъ, стремившемуся обломать и передѣлать ученика сообразно съ знаніемъ профессіи или сословія, а было бы мѣсто только свободному развитію человѣческой личности. Когда люди ставятъ себѣ цѣлью дипломы, открывающіе путь къ заработку, къ жалованью, чинамъ и карьерѣ, это — почтенное и неизбежное стремленіе, но это задача профессиональной, а не общеобразовательной школы.

Мы горячо стоимъ за безусловную необходимость безотложнаго и возможно широкаго распространенія профессиональнаго образованія. Человѣчество и до сихъ поръ еще не обеспечено хлѣбомъ. Голодь и до сихъ поръ еще не отошелъ въ область преданій. Вопросъ о средствахъ къ существованію и до сихъ поръ еще волнуетъ людей гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ остальные вопросы, взятые вмѣстѣ; больше, чѣмъ религія, политика, искусство, наука, воспитаніе. Борьба за существованіе въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, борьба за матеріальныя средства и до сихъ поръ еще стоитъ на самомъ первомъ планѣ. Поэтому игнорировать профессиональную школу могутъ только паразиты, аристократы и плутократы,

обезпеченные случайностью рожденія отъ необходимости зарабатывать хлѣбъ. Говорить противъ профессиональной подготовки было бы бессмысленнымъ аристократизмомъ. Профессиональное образование обезпечиваетъ кусокъ хлѣба, — и это одно уже лучше всякихъ другихъ доводовъ доказываетъ необходимость профессиональной подготовки съ точки зрѣнія личности ученика. Но это образование не менѣе необходимо и съ точки зрѣнія общества, нуждающагося въ работникахъ. Особенно необходимо это тамъ, гдѣ до сихъ поръ царить трехпольная система сѣвооборота, соха и деревянная борона, гдѣ не знаютъ употребленія молотилки, сѣялки и льномялки, гдѣ кустарные промыслы такъ не развиты, гдѣ фабричные продукты такъ дороги и такъ плохи, гдѣ люди и не подозреваютъ о массѣ удобствъ, которыя даетъ современная техника, гдѣ трудъ рабочаго такъ мало продуктивенъ, — тамъ профессиональное образование составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ даннаго времени.

Современныя условія таковы, что народъ, не желающій гибели, долженъ выдвинуть во всѣхъ отрасляхъ практической и теоретической дѣятельности наилучшихъ специалистовъ и профессионаловъ. Намъ нужны агрономы, знающіе во всѣхъ подробностяхъ и теоретически и практически свое дѣло. Надо, чтобы они помогли народу поднять русское земледѣліе па ту высоту, на какой оно стоитъ въ культурныхъ странахъ. А для этого необходимо, чтобы наша агрономическая наука не отставала отъ западной. Грустно сознавать, что въ то самое время, когда въ Англіи земля даетъ урожай самъ-14, во Франціи — самъ-10, у насъ онъ даетъ только самъ-4¹/₂. Намъ нужно много медиковъ, получившихъ наилучшее специальное образование и въ то же время хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями. Больно читать и слышать, что у насъ на каждую сотню дѣтей до 3-лѣтняго возраста умираетъ 50 человѣкъ въ то время, какъ на Скандинавскомъ полуостровѣ изъ этого числа умираетъ только 25 человѣкъ.

Быть-можетъ, когда у насъ медицинское образование будетъ поставлено лучше, наши врачи найдутъ средство улучшить русскія условія настолько, чтобы сократить эти безчисленныя человѣческія жертвы. Намъ нужны и горные и всякіе другіе инженеры, хотя бы для того, чтобы эксплуатировать несмѣтныя природныя богатства страны, лежація втуне. А еще

больше намъ нужны спеціалисты-педагоги, чтобы поднять на должную высоту нашу отсталую, изуродованную школу, недостатки которой теперь общепризнаны. Намъ нужны юристы, хотя бы для того, чтобы наши первые министры не изумляли міръ юридическимъ невѣжествомъ. Болѣе того. Само общее образованіе и его содержаніе находятся въ тѣсной зависимости отъ развитія спеціальныхъ знаній. Свое содержаніе и методы общее образованіе беретъ изъ науки и искусства, а наука и искусство, главнымъ образомъ, двигаются спеціалистами. И чѣмъ выше развитіе науки и искусства, тѣмъ болѣе цѣнный выборъ матеріала можетъ быть сдѣланъ для общаго образованія. Пусть при этомъ выборѣ критерій педагога будетъ не тотъ, какимъ руководится ученый; но изъ большого и достовѣрнаго матеріала педагогъ выберетъ больше цѣннаго, чѣмъ изъ скуднаго и малодостовѣрнаго. Въ былыя, отдаленныя отъ насъ времена вопросъ объ общемъ, спеціальномъ и профессиональномъ образованіи не стоялъ такъ рѣзко. Натуральное хозяйство не требовало такого раздѣленія труда, какъ капиталистическое хозяйство и машинное производство. Наука и техника не были развиты въ такой степени, какъ нынѣ. Дробленіе труда дошло до того, что такая вещь, какъ булавка, проходитъ черезъ нѣсколько машинъ, а каждая машина находится въ вѣдѣніи особыхъ рабочихъ, знающихъ только ее одну.

Рабочій сталъ винтомъ въ очень сложной машинѣ. Въ былое время большинство усовершенствованій въ машинахъ дѣлалось самими рабочими. Машины были несложны. Рабочіе понимали принципы, на которыхъ построена машина и ея механизмъ. Теперь не то. Рабочему трудно понять сложное устройство машины, такъ какъ онъ знаетъ одну ея часть. Не меньшую спеціализацію представляетъ и современная наука. Наука такъ обширна, что средній по способностямъ человѣкъ лишь тогда можетъ сдѣлать что-нибудь въ научной области, если ограничится одною узкою спеціальностью. Есть науки, названія которыхъ совсѣмъ неизвѣстны широкой образованной публикѣ. Есть ученые, которые всю свою жизнь изучаютъ только одну небольшую часть какой-нибудь одной науки. Достаточно пробѣжать объявленія въ газетахъ о спеціальностяхъ врачей: одни изъ нихъ глазные, другіе — зубные, третьи — ушные и т. д. Давно и очень много говорилось

о вредѣ такого раздѣленія труда для развитія человѣка. Специальность высасываетъ кровь изъ всего организма въ пользу одного органа. Не даромъ специальность сравниваютъ съ флюсомъ. Гдѣ царитъ одна специальность, тамъ при современныхъ условіяхъ не можетъ быть равновѣсія между способностями, тамъ нѣтъ мѣста для всесторонняго развитія. Тамъ одна способность развивается въ ущербъ всѣмъ другимъ. Не удивительно, при такихъ условіяхъ, что ученые часто поражаютъ своимъ невѣжествомъ иногда въ областяхъ, очень близкихъ къ ихъ специальности.

Такъ, на примѣръ, профессоръ-естественникъ на вопросъ студентовъ, что такое аорта, отвѣчалъ, что это трубка, чрезъ которую проходитъ воздухъ. Ученый, готовившій работу съ микроскопомъ, допускалъ, что ахроматизмъ стеколь въ микроскопѣ происходитъ отъ зеленыхъ занавѣсей на окнѣ. Другой ученый сказалъ, что тучи бѣгутъ выше мѣсяца. И мы понимаемъ Ницше, когда онъ говоритъ: «Одному недостаетъ глаза, другому — уха, третьему — ноги, но есть и такіе, что утратили языкъ или носъ или голову. Есть люди, которые — не что иное, какъ одинъ большой глазъ или одинъ большой ротъ, или одно большое брюхо, или вообще одно что-нибудь большое, — калѣки наизнанку называю я ихъ. «Ухо величиною съ человѣка! Я посмотрѣлъ пристальнѣе: и дѣйствительно, за ухомъ двигалось еще нѣчто, до жалости маленькое, блѣдное и слабое. И поистинѣ чудовищное ухо сидѣло на маленькомъ тонкомъ стеблѣ, — и этимъ стеблемъ былъ человѣкъ! Вооружась очками, можно даже было разглядѣть маленькое завистливое личико, а также пухлую душонку, висѣвшую на стеблѣ этомъ. Народъ же говорилъ мнѣ, что большое ухо не только человѣкъ, но даже великій человѣкъ, гений».

Въ былыя времена, когда сословія и касты стѣсняли развитіе человѣка, это дѣлалось путемъ насилія, которое вызвало протестъ; а теперь каждый избираетъ свою профессію и свою специальность добровольно и очень часто съ любовью и увлеченіемъ занимается ею. И потому положеніе представлялось бы совершенно безвыходнымъ, если бы нельзя было найти противовѣса противъ этого вампира вѣка — крайняго раздѣленія труда.

И такимъ противовѣсомъ, между прочимъ, служить общее образованіе.

Спеціалистъ въ предѣлахъ своей спеціальности долженъ изучить все, что добыто въ этой области его современниками. Но большинство изъ этихъ спеціальныхъ свѣдѣній не имѣетъ почти никакой цѣны для людей другой спеціальности. Тѣ техническія знанія, какія необходимы для устройства мола или ледорѣза, совершенно не нужны для медика, садовода, астронома, бактериолога и проч. Спеціальность не содѣйствуетъ общей культурѣ ума, она ограничивается культурой лишь опредѣленныхъ способностей. Но всѣ спеціалисты въ то же время и люди, и граждане, и члены семьи. Они имѣютъ общіе интересы, общія стремленія, и потому для нихъ, кромѣ спеціальныхъ знаній, нужны еще общія для всѣхъ людей и гражданъ знанія, общія идеи, общіе идеалы, общее міропониманіе. Общее образованіе создаетъ общую почву для всѣхъ дѣтей даннаго вѣка и данной страны. Оно носитъ въ себѣ духъ вѣка, сущность, его науку, его литературу, его искусства и, что главнѣе всего, — жизни, дѣйствительности и среды, гдѣ приходится жить. Общее образованіе раздвинетъ кругозоръ людей и ихъ интересы далеко за предѣлы узкаго круга данной профессіи. Кто не знаетъ отличныхъ химиковъ, физиковъ или классиковъ, поражающихъ своею пошлостью, некультурностью, дикостью, антиобщественными инстинктами? Безъ общаго образованія люди были бы разъединены, раздѣлены на отдѣльныя профессиональныя группы, не понимающія другъ друга, иногда даже враждебныя другъ другу. Только общечеловѣческія идеи, общее образованіе объединяетъ всѣхъ людей и всѣхъ гражданъ въ одно цѣлое.

Безъ него каждая профессія развивала бы только опредѣленные органы и способности и вела бы къ атрофіи всѣхъ остальныхъ способностей и органовъ. Механика развивала бы руку, астрономія и бактериологія развивала бы глазъ, музыка — ухо и т. д. Только одно общее образованіе стремится развить всѣ способности, сообразно съ современными идеалами, стремится образовать не техника или астронома, а человѣка и гражданина. Есть силы и есть время и для общаго и для профессиональнаго образованія. Нельзя выбирать профессіи въ 10—12 лѣтъ. Спеціализоваться можно позже. Въ дѣтствѣ общее и всестороннее преобладаетъ надъ частными особенностями. Въ дѣтскомъ возрастѣ нѣтъ спеціалистовъ — ни художниковъ, ни химиковъ, ни писателей, а есть

только дѣти. Дѣти хотятъ испытать себя въ различныхъ сферахъ дѣятельности. Ихъ любознательность не знаетъ предѣловъ. Словно они стремятся сами найти свое призваніе, ту дѣятельность, которая всего лучше соотвѣтствуетъ ихъ склонностямъ и задаткамъ, и не хотятъ замкнуться въ определенныхъ границахъ, а хотятъ перепробовать все, что возможно и что они видятъ кругомъ. Слѣдуя закону развитія, упражняя всѣ свои силы, они въ это же время, какъ бы нащупываютъ то мѣсто въ общественномъ строѣ, куда больше всего влекутъ ихъ природныя способности и стремленія. Это стремленіе не покидаетъ ихъ и въ юношескомъ возрастѣ и въ старшихъ классахъ средней школы и въ высшей школѣ многіе учащіеся пользуются то руководствами, то печатными программами домашняго чтенія внѣ своей специальности. Съ тою же цѣлью они составляютъ кружки самообразованія, устраиваютъ засѣданія, читаютъ рефераты и обсуждаютъ ихъ. Съ тою же цѣлью они посѣщаютъ публичныя лекціи, библіотеки, сообщаются, выписываютъ журналы. И не ихъ вина, если современныя средняя и высшая школы не могутъ удовлетворить этой, казалось бы, вполне законной потребности юношества въ общемъ образованіи. Скажемъ больше: если есть еще у насъ образованные люди, то они обязаны своимъ образованіемъ не школѣ, а вотъ именно такимъ товарищескимъ организаціямъ. Но если, по винѣ отжившаго свое время строя, такъ было до сихъ поръ, то это не значитъ, что такъ будетъ и впредь, при лучшихъ условіяхъ.

Общеобразовательную школу можно съ успѣхомъ защищать даже съ утилитарной точки зрѣнія.

Отъ правильной постановки общаго образованія выигрываютъ и промышленность и торговля. Нигдѣ высшая школа не стояла ближе къ идеалу общеобразовательной школы, нигдѣ она такъ мало не заботилась о техническихъ и профессиональныхъ знаніяхъ, даже объ учености, какъ въ Англии. И, однакоже, нѣтъ народа, который превзошелъ бы англичанъ и въ дѣлѣ науки и въ дѣлѣ техники, промышленности и торговли. Приготовляй человѣка, развивай его природныя способности, а все остальное придетъ само собою, — вотъ выводъ, который напрашивается при этомъ примѣрѣ. Нѣтъ такой профессіи, въ которой бы не требовалось отъ человѣка того, что ставитъ себѣ общеобразовательная народная школа.

И земледѣльцу, и столяру, и сапожнику, и фабричному рабочему пужны и развитая память, и умѣнье сосредоточивать свое вниманіе на вопросахъ, какіе выдвигаетъ предъ ними жизнь, и наблюдательность, и здравый, развитой разсудокъ, и свѣтлое, разумное міросозерцаніе. Жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Она двигается впередъ и видоизмѣняется, ставя передъ людьми все новыя и новыя требованія и задачи. А чтобы угадать запросы времени и умѣть отвѣтить на нихъ, для этого одного профѣссиональнаго или спеціальнаго образованія мало, для этого нуженъ всесторонне развитый умъ.

По словамъ Дж. Ст. Милля, «люди могутъ быть компетентными юристами безъ общаго образованія, но только общее образованіе можетъ сдѣлать ихъ юристами-философами, которые хотятъ и которые способны уразумѣвать принципы, вмѣсто того, чтобы только загромождать свою память подробностями. И точно такъ же бываетъ во всѣхъ другихъ полезныхъ занятіяхъ, включая и механическія. Воспитаніе дѣлаетъ человѣка болѣе умнымъ сапожникомъ, если онъ занимается сапожнымъ ремесломъ, но оно дѣлаетъ это не тѣмъ, что учить его шить сапоги: оно дѣлаетъ это тѣмъ умственнымъ упражненіемъ, которое оно даетъ, и привычками, какія оно сообщаетъ». Люди бываютъ людьми, прежде, чѣмъ они бываютъ юристами или медиками, купцами и мануфактуристами; и если вы дѣлаете ихъ способными и разсудительными людьми, они сдѣлаются способными и разсудительными юристами или медиками. Общее образованіе—самый надежный фундаментъ, и безъ него у насъ не будетъ ни хорошихъ ремесленниковъ ни хорошихъ врачей, юристовъ и ученыхъ. Безъ него всякія реформы, всякія улучшенія натолкнутся на непреодолимыя препятствія. Извѣстно, что идеи паровой машины, телескопа явились за цѣлыя столѣтія до ихъ осуществленія; но, благодаря невѣжеству массъ, эти идеи были основательно забыты. Извѣстно, что паровая лодка устроена была задолго до парохода, но по тѣмъ же причинамъ это изобрѣтеніе должны были вновь повторить чрезъ нѣсколько десятилѣтій. Еще Ломоносовъ удачно производилъ опыты, доказывающіе основные законы естествовѣдѣнія,—законы вѣчности вещества и сохраненія энергіи. Русскій ученый Петровъ еще въ 1802 г. открылъ освѣщающую силу Вольтовой дуги. И такими фактами полна исторія науки.

Извѣстна цѣлая масса открытій, которыхъ въ свое время не могли понять, усвоить, а тѣмъ менѣе оцѣнить. И всѣ они надолго были забыты. И въ наше время, какая масса блестящихъ научныхъ открытій остается совершенно неизвѣстными, непонятными и не оцѣненными не только народными массами, но и такъ называемою культурною публикою. А между тѣмъ одни изъ этихъ открытій въ состояніи были бы удешевить производительность общественнаго труда, другія — улучшить общественное устройство, третьи — облегчить воспитаніе, четвертые — поднять санитарію и т. д. Мы уже не говоримъ о томъ, что если бы масса въ состояніи была понимать, оцѣнивать великія открытія, то исторія не знала бы мучениковъ науки: ни Сократа, ни Коперника, ни Галилея, ни Джор. Бруна. Но для пониманія и оцѣнки открытій широкими массами нужно, чтобы онѣ были образованы.

Профессіоналистовъ издавна выписывали изъ-за границы. Это плохо, это унижительно, но это было возможно. А образованныхъ людей не вынешешь. Ихъ необходимо образовывать здѣсь, на родинѣ. Да и для спеціалиста, какъ бы узка ни была сфера дѣятельности, если только онъ хочетъ создать что-нибудь новое, непременно понадобятся различныя аналогіи, сравненія, контрасты изъ другихъ ближайшихъ, а иногда и очень отдаленныхъ областей знанія. Дѣленіе наукъ по спеціальности искусственно. Перегородки между отдѣльными отраслями знаній то и дѣло падаютъ. Наука едина. Всѣ части ея тѣсно связаны другъ съ другомъ. Одна не могла бы существовать безъ другой, смежной съ нею. На этой связи и зависимости основаны всѣ классификаціи знаній, начиная съ знаменитой классификаціи Огюста Конта. Нельзя изучать физику, не зная математики. Нельзя изучать біологію, не зная физики и химіи. Нельзя изучать анатомію и фізіологію человѣка, не зная біологіи. Безъ этихъ послѣднихъ наукъ нельзя изучать психологіи, а безъ нея — соціологіи. Пастеръ, химикъ по профессіи, сдѣлалъ открытіе, равнаго которому нѣтъ ничего въ области медицины. Историкъ дѣлаетъ изслѣдованіе, которымъ пользуются юристы. Біологъ вноситъ самый цѣнный вкладъ въ філософію и своимъ открытіемъ начинаетъ новую эру въ ученіи о мірѣ и человѣкѣ. Географъ дѣлаетъ изъ своей науки сводъ ученій о землѣ и человѣкѣ. Всякое усовершенствованіе, какое техника сдѣлаетъ въ микроскопѣ,

сейчас же отразится на учени о клеткѣ, о тканяхъ, о микробахъ и проч. Всякое улучшение въ телескопѣ, въ спектральномъ анализѣ двинетъ впередъ астрономію. Съ какими только областями знанія не соприкасается агрономія. Агрономъ черпаетъ свои знанія изъ химіи, физики, метеорологіи, почвовѣдѣнія, фізіологіи растений и животныхъ, энтомологіи и проч.

Чтобы спеціалистъ увидаль и почувствовалъ это единство науки, эти взаимныя связи между различными отраслями знанія, — лучшимъ средствомъ является общее образованіе. Оно выбираетъ изъ всѣхъ спеціальностей самое цѣнное въ смыслѣ общаго развитія. Оно свяжетъ разрозненные куски въ одно цѣлое. Оно создастъ почву, на которой легко и пышно расцвѣтетъ любая профессія и любая спеціальность. Въ будущемъ оно дастъ возможность профессионалу опираться на другія способности, кромѣ тѣхъ, на какія опирается его профессія. Оно поможетъ составить цѣльное міросозерцаніе. Оно научитъ интересоваться жизнью въ широкомъ смыслѣ этого слова. Оно поможетъ воспитать въ человѣкѣ не профессионала, а человека, разносторонне упражняя его силы и способности. Оно объединитъ спеціалистовъ и профессионаловъ. Но при этомъ не забудетъ и индивидуальныхъ качествъ, способностей, склонностей и предрасположеній каждаго ученика. Оно поможетъ ему вѣрнѣе опредѣлить свою будущую профессію; но оно же оградитъ его отъ безпомощности въ случаѣ, если бы избранная имъ профессія обманула его надежды. А можно ли сказать навѣрное, чѣмъ со временемъ станетъ учащійся и какія изъ его способностей понадобятся ему въ жизни. Въ будущемъ оно поможетъ ему взглянуть на свое дѣло не съ точки зрѣнія спеціалиста, а обще-человѣческой. Общее образованіе было бы очень плохимъ, если бы готовило дилетантовъ и всезнаекъ, самоувѣренныхъ людей на всѣ руки. Общее образованіе должно быть во-время начато и во-время кончено съ тѣмъ, чтобы его питомецъ имѣлъ опредѣленное стремленіе къ опредѣленной профессіи, соответствующей его индивидуальнымъ особенностямъ, сознаніе, что для этого надо учиться и работать въ опредѣленномъ направленіи, и достаточно воли, чтобы взяться за эту работу. Каждый человѣкъ, чтобы сталъ человекомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, долженъ получить надлежащее развитіе. Но ка-

ждый въ то же время долженъ избрать для себя какую-нибудь профессію. Стало-быть, каждому человѣку необходимы оба вида образованія: общее и профессиональное. И для страны необходимы двѣ сѣти двухъ родовъ школъ: общеобразовательныхъ и профессиональныхъ. На этомъ мы могли бы и покончить съ вопросомъ объ общемъ образованіи, если бы не существующее дѣленіе на высшее, среднее и низшее образованіе. Мы думаемъ, что въ будущемъ это дѣленіе исчезнетъ, что станетъ возможно предоставить всѣмъ одинаковое общее образованіе, сохранивъ различіе между людьми только въ профессиональной подготовкѣ, не поддающейся уравниванію. Но въ настоящемъ это дѣленіе существуетъ, и игнорировать начальную школу значило бы заботиться только о десяткахъ тысячъ учащихся изъ избраннаго, самостоятельнаго и привилегированнаго общества и забыть о массѣ тѣхъ, «чи работаютъ грубыя руки». Это было бы слишкомъ аристократическое отношеніе къ вопросу, хотя бы оно и дѣлалось во имя будущей равной и даже обязательной для всѣхъ единой общеобразовательной школы.

Мы уже говорили о томъ, что нельзя навязывать начальной школѣ профессиональныхъ задачъ. Но есть еще взглядъ, что дѣло начальной школы дать лишь орудіе для образованія, и это орудіе заключается въ умѣньѣ читать, писать и считать. Мы думаемъ, что задача начальной школы даже въ ея современной постановкѣ значительно шире: кромѣ этихъ трехъ орудій, она должна дать и развитіе, и знанія, и методы, какъ добываются эти знанія, и любознательность, — все, что необходимо для дальнѣйшаго самообразованія.

Начальная школа при ея современной постановкѣ занимаетъ совершенно особое мѣсто въ ряду другихъ учебныхъ заведеній. Если профессиональная школа имѣетъ въ виду снабдить учениковъ знаніями, необходимыми въ практической жизни, если общая школа на высшихъ своихъ ступеняхъ стремится удовлетворить свободному безкорыстному стремленію человѣка къ знанію, если профессиональная школа стремится развить до возможно высокой степени извѣстныя одностороннія способности съ тѣмъ, чтобы каждый возможно дальше проникъ въ глубь изучаемаго имъ предмета, если общее образованіе на высшихъ ступеняхъ стремится развить всѣ способности, чтобы каждый возможно шире охватилъ всю

сумму человѣческихъ знаній, стремится соединить въ одно гармоническое, неразрывное цѣлое всѣ отдѣльныя профессіи, всѣ отдѣльные роды жизненныхъ занятій, если профессиональное образованіе дѣлаетъ человѣка слишкомъ узкимъ, а общее — безличнымъ, то начальное образованіе избавлено отъ этихъ крайностей. Оно служитъ фундаментомъ одинаково и для того и для другого. Оно даетъ ученику доступъ и къ воспріятію профессиональныхъ знаній, какія хранятся въ популярной технической литературѣ, какія сообщаются въ профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какія могутъ быть приобрѣтены путемъ опыта и наблюденій. Но оно въ то же время дѣлаетъ доступнымъ для человѣка общую популярную литературу, которая въ нашъ вѣкъ широкаго и все расширяющагося развитія книжнаго производства, конечно, дѣлаетъ для общаго развитія гораздо больше, чѣмъ какія бы ни было изъ существующихъ учебныхъ заведеній.

Начальная школа — это общеобразовательное учебное заведеніе, оно не имѣетъ другой цѣли, кромѣ цѣлесообразнаго, полнаго гармоническаго развитія всѣхъ способностей, таящихся въ зародышѣ въ душѣ ребенка. Станетъ онъ взрослымъ, выберетъ себѣ извѣстную профессію, и тогда сама жизнь постарается нарушить равновѣсіе, въ какомъ воспитывала его способности школа; сама жизнь и сама профессія будутъ усиленно культивировать тѣ изъ его способностей, какія нужны для той или другой специальности.

Но еще разъ повторяемъ, что въ будущемъ не должно быть раздѣленія общаго образованія на высшее, среднее и начальное. Образованіе справедливо сравниваютъ съ солнечнымъ свѣтомъ, но солнце одинаково свѣтитъ и бѣднымъ и богатымъ. Такъ и общее образованіе въ противоположность профессиональному должно быть одинаковымъ для всѣхъ. Лишь однѣ природныя способности могли бы оправдать неравенство въ этомъ отношеніи.

Споръ между свѣтскою и конфессіональною школою¹⁾.

До сихъ поръ школа служила, главнымъ образомъ, дѣлу религіознаго обученія народа. Мы не говоримъ уже о церковно-приходскихъ школахъ духовнаго вѣдомства, гдѣ Законъ Божій является центромъ всего обученія. Но достаточно обратить вниманіе на расписаніе уроковъ, преподанное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1897 году для начальныхъ школъ, какъ земскихъ, городскихъ и частныхъ, такъ и министерскихъ. Изъ 27-ми часовъ въ недѣлю министерство выдѣляетъ 12 часовъ на Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе и церковное пѣніе, оставляя, такимъ образомъ, на всѣ остальные предметы преподаванія только 15 часовъ, а этого времени не хватало даже на развитіе навыковъ въ чтеніи, письмѣ и счетѣ, не говоря уже о какихъ-нибудь реальныхъ знаніяхъ. Хорошо извѣстно, какъ такой порядокъ вмѣстѣ съ другими современными условіями создалъ схоластическое направленіе въ начальной школѣ, какъ онъ отдалялъ ее отъ реальной жизни, какъ вредно онъ отражался на методахъ и приѣмахъ преподаванія, на развитіи учениковъ, на ихъ привычкахъ къ безусловному повиновенію авторитету, безъ всякихъ разсужденій, безъ всякой критики.

Результаты, достигнутые такимъ путемъ, болѣе нежели сомнительны. Мы вполне присоединяемся къ мнѣнію покойнаго Бунакова, что «отвѣты по закону Божию на экзаменахъ, съ формальной, экзаменной точки зрѣнія, были, дѣйствительно, хороши: ученики бойко и твердо читали всѣ молитвы, всѣ рассказы изъ священной исторіи, бойко и твердо давали объясненія, бойко и твердо отвѣчали на вопросы по богослуженію, — словомъ, твердо знали все, что требуетъ программа. Но въ ихъ отвѣтахъ, рассказахъ и даже объясненіяхъ была въ глаза очевидная заученность, и стоило только прервать отвѣтъ какимъ-нибудь вводнымъ вопросомъ, прямо къ нему относящимся, — ученикъ уже сбивался, его надо было устанавливать на путь, какъ поѣздъ желѣзной дороги, соскочив-

¹⁾ Статья эта была первоначально помѣщена въ „Русскомъ Словѣ“ въ концѣ 1906 г.

шій съ рельсовъ, а то и возвращать къ началу, какъ заводной органчикъ. Поэтому въ отвѣтахъ не было жизненности и душевной теплоты. Видны напряженія памяти, видно усиленное стремленіе угодить вопрошающему, удовлетворить его своимъ отвѣтомъ, но не видно ни участія сердца ни проблесковъ дѣятельной и убѣжденной мысли». Религіозность нашего православнаго населенія, благодаря обязательности обученія закону Божію и дѣятельности синодальной канцеляріи, носить чисто внѣшній характеръ. Соблюдать посты и праздники, поставить свѣчку, блюсти обряды—вотъ къ чему сводится вся религіозность православнаго человѣка. Совсѣмъ другой характеръ носить религіозность нашихъ сектантовъ. У нихъ, какъ, напримѣръ, у штундистовъ, на первомъ планѣ стоитъ не буква, не обряды, не формализмъ, а духъ и смыслъ религіи, ея ученіе о любви и милосердіи. Но мы хорошо знаемъ, что отношеніе правительства къ вѣроученію штундистовъ было какъ разъ обратное тому, какъ стояло дѣло съ обученіемъ закону Божію православнаго вѣроисповѣданія.

Хорошо извѣстно, что въ школахъ Сѣверной Америки нѣтъ обязательнаго преподаванія закона Божія, и, однакоже, едва ли найдется другая страна, гдѣ бы населеніе было такъ религіозно, какъ въ Америкѣ. Нѣтъ обязательнаго обученія религіи и въ Англии, а англичане считаются однимъ изъ самыхъ религіозныхъ народовъ въ мірѣ. Почти такъ же стоитъ дѣло въ Швейцаріи, въ Бельгіи, несмотря на ея клерикализмъ, и въ Италіи, отличающейся своею набожностью.

Во Франціи, гдѣ въ школѣ совсѣмъ не преподается вѣроученіе, сторонники обязательнаго обученія закону Божію могутъ ссылаться на однородный составъ населенія Франціи по вѣроисповѣданію. Но у насъ населеніе далеко не однородно въ этомъ отношеніи. Значительный процентъ населенія Россіи составляютъ католики, протестанты, евреи, магометане, штундисты, старообрядцы. И было бы крайне несправедливо не принимать въ расчетъ ихъ интересовъ при организаціи школьнаго дѣла. По этимъ соображеніямъ, преподаваніе вѣроученія у насъ никакъ не можетъ быть обязательнымъ. Школа должна быть поставлена такъ, чтобы въ ней дѣти различныхъ исповѣданій учились вмѣстѣ, и въ обученіи не было ничего такого, что могло бы раздѣлять дѣтей разныхъ исповѣданій. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ школахъ не допустимо

ничего такого, что бы могло оскорбить чувства дѣтей какого-либо вѣроисповѣданія. Болѣе того. Было бы всего правильнѣе разсматривать обученіе религіи, какъ семейное дѣло, и преподавать его всецѣло только въ семьѣ и церкви. Но въ данномъ случаѣ на первыхъ порахъ пришлось бы во многихъ мѣстностяхъ столкнуться съ стремленіями населенія. Поэтому въ ближайшемъ будущемъ казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ, провозгласивъ необязательность вѣроученія въ школѣ, предоставить это дѣло соглашенію между родителями учащихся и школьнымъ комитетомъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ будетъ допущено факультативное преподаваніе вѣроученій, необходимо назначать уроки закупа Божія либо въ началѣ, либо въ концѣ учебнаго дня для того, чтобы дѣти, не желающія посѣщать этихъ уроковъ, могли приходиться и уходить изъ школы въ свое время.

Зная по личному опыту, что нѣкоторые изъ защитниковъ современной конфессіональной школы способны на то, чтобы назвать людей, борющихся съ клерикализмомъ, врагами религіи, масонами, атеистами и проч., мы заявляемъ, что мы не боремся съ религіей. Мы знаемъ, что потребность вѣры существуетъ въ народѣ, и лучшимъ доказательствомъ этого служить тотъ фактъ, что ее не истребилъ окончательно даже тотъ способъ, какимъ обыкновенно насаждается вѣра въ нашихъ школахъ и въ жизни бюрократіей Синода и консисторій. Нѣтъ, мы не противъ вѣры. Мы боремся лишь съ тѣми, кто хочетъ подчинить школу вліянію духовенства и канцеляріи Синода, мы боремся съ клерикальными покушеніями на школу, какъ боролись съ этимъ въ теченіе 20-ти лѣтъ. Но клерикализмъ и канцелярія Синода — одно, а религія — совсѣмъ другое. Люди, именующіе себя слугами Церкви, не должны стремиться къ господству надъ школою. «Божіе — Богу», говоритъ Евангеліе. У Синода и клира — свое дѣло, а у школы — свое. Мы стоимъ за свободу школы и считаемъ вреднымъ для нея безусловное подчиненіе слѣпому авторитету. Руководя педагогическими курсами для учащихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, я на своихъ примѣрныхъ урокахъ во временной дѣтской школѣ, обыкновенно устраиваемой при курсахъ, то и дѣло встрѣчался съ непредвидѣнными толкованіями, идущими либо отъ представителей духовной бюрократіи, присутствовавшихъ на курсахъ, либо отъ тѣхъ директоровъ и инспекто-

ровъ народныхъ училищъ, наблюдавшихъ за курсами, которые, за страхъ или за совѣсть, перѣдко стояли точно такъ же на клерикальной точкѣ зрѣнія. По поводу своего урока о солнцѣ меня обвиняли въ томъ, что я сдѣлаю дѣтей солнцеклонниками; по поводу урока о сѣверномъ краѣ, гдѣ рѣчь шла, между прочимъ, о китѣ, меня обвиняли въ томъ, что мои свѣдѣнія противорѣчатъ библейскому сказанію объ Ионѣ, проглоченномъ китомъ; по поводу урока о первобытномъ человѣкѣ каменнаго вѣка указывали на противорѣчіе съ исторіей объ Адамѣ и Евѣ.

По поводу одной экскурсіи, гдѣ дѣло шло объ элементахъ изъ геологіи, указывали на то, что, по Библии, міръ существуетъ только шесть тысячъ лѣтъ.

Мнѣ извѣстны случаи, когда учителямъ, по поводу ихъ уроковъ, указывали на Иисуса Навина, остановившаго не землю, а солнце, на шестидневное твореніе міра и проч. Я не увѣренъ въ томъ, что клерикалы не будутъ возражать противъ формулы $3 \times 1 = 3$ на томъ основаніи, что три лица Троицы составляютъ одно Божество. Они могутъ возражать противъ универсальнаго закона сохраненія матеріи на томъ основаніи, что Христосъ насытилъ 5 тысячъ человѣкъ 5-ю хлѣбами, противъ закопосообразности въ природѣ и жизни на томъ основаніи, что были чудеса. Они могутъ возражать противъ современнаго ученія о наказаніи и справедливости на томъ основаніи, что за грѣхи Адама несетъ наказаніе и все его потомство. Они могутъ возражать противъ современныхъ воззрѣній на свободу совѣсти, указывая на гоненія старообрядцевъ и сектантовъ въ прежнія времена. Они могутъ возражать противъ культивируемыхъ въ школахъ любви къ природѣ и жизни во имя присущаго имъ аскетизма, презрѣнія къ земной жизни и человѣческой природѣ.

Послушать ихъ, то не зачѣмъ изучать энтомологію, не зачѣмъ искать естественныхъ средствъ для борьбы съ вредными насекомыми, съ червями. Достаточно, какъ рекомендуетъ это священникъ Смирновъ въ своей книжкѣ «Краткое руководство къ садоводству», — достаточно молебна со святой водой и заклинаніемъ св. Трифона, положенными въ требникѣ. Не зачѣмъ звать ветеринара къ больному скоту, когда существуетъ святой Георгій, не зачѣмъ итти къ главному врачу, когда существуетъ св. Пантелеймонъ, и такъ далѣе.

Въ древней теократіи Индіи, по словамъ Ле-Бона, нѣтъ тѣлодвиженія, которое бы не предписывалось религіей, не являлось бы повиновеніемъ приказу свыше; тамъ нѣтъ раздѣленія на свѣтское и религіозное, тамъ все священно, все предусмотрѣно заповѣдями и правилами, тамъ религія вмѣшивается во всѣ проявленія жизни и во всякую попытку умственной дѣятельности. И современный клерикализмъ, если бы онъ только могъ, подчинилъ бы себѣ всѣ проявленія жизни.

. Исторія показала, что если бюрократія проявляла нетерпимость только тамъ, гдѣ были замѣшаны ея интересы и близкихъ ей слугъ, въ родѣ Гурко, Лидваля и содержательницъ притоновъ, то клерикалы нетерпимо отнесутся ко всему, что противорѣчитъ какому-нибудь тексту изъ Библии или изъ твореній святыхъ отцовъ. Исторія просвѣщенія показала, что распространеніе и осуществленіе новыхъ просвѣтительныхъ идей шло бы совсѣмъ другимъ темпомъ, если бы въ своемъ поступательномъ движеніи оно на каждомъ шагу не встрѣчало тысячей всевозможныхъ препонъ и тормозовъ. Сколько учителей, учительницъ и дѣятелей по народному образованію стали жертвою доносовъ, идущихъ изъ этой среды.

И чѣмъ искреннѣе и талантливѣе были борцы за новую школу, тѣмъ больше они навлекали на себя ненависти и гоненій со стороны клерикаловъ.

Если бы клерикализмъ былъ въ силахъ, онъ превратилъ бы всѣ университеты въ духовныя семинаріи, а всѣ училища — въ церковныя школы.

Клерикализмъ стоитъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, чѣмъ школа. Тамъ — вѣра, здѣсь — знаніе; тамъ — откровеніе, здѣсь — наблюденіе и опытъ.

Если бы клерикализмъ только могъ, онъ атрофировалъ бы въ людяхъ способности къ научнымъ наблюденіямъ, экспериментамъ и критикѣ, онъ оставилъ бы людямъ только способность вѣрить и повиноваться. Говорятъ, что въ наше время клерикализмъ не опасенъ, такъ какъ его тенденціи находятся въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчій съ духомъ времени. Но дѣло въ томъ, что у него есть сильные союзники — это люди, не вѣрующіе ни въ Бога ни въ дьявола, но пугающіеся демократическаго движенія. И эти люди изъ страха передъ демократическимъ движеніемъ вѣка хотятъ удержать народныя массы отъ этого движенія посредствомъ обѣщаній райскихъ

благъ въ загробной жизни всѣмъ тѣмъ, кто не думаетъ о земномъ, а думаетъ о небесномъ.

И кто знаетъ, быть-можетъ, этотъ расчетъ сдѣланъ не напрасно.

Существующая постановка преподаванія закона Божія, во-первыхъ, отвлекаетъ вниманіе дѣтей отъ реальнаго къ отвлеченному. Дѣти бойко перечисляютъ обязанности ангела, но не знаютъ обязанностей и правъ земскаго гласнаго, избирателя, выборщика Государственной Думы. Кромѣ того, ученики съ дѣтскихъ лѣтъ привыкаютъ къ лицемерію. Въ Москвѣ одинъ ученикъ говоритъ любимому учителю: «Батюшка учитъ насъ любить враговъ; но какъ мы можемъ любить Трепова, когда его ненавидитъ вся Москва». И, однакоже, завтра тотъ же самый ученикъ будетъ увѣреннымъ тономъ повторять урокъ батюшки, и иначе онъ поступать не можетъ. Я знаю другого ребенка, который былъ возмущенъ тѣмъ, что Авраамъ рѣшился принести въ жертву своего сына, но тоже лицемерилъ и отвѣчалъ урокъ въ классѣ безъ всякихъ замѣчаній, просившихся на языкъ.

Дѣтей приводили въ недоумѣніе молебны во время непопулярной японской войны; но они молчатъ объ этомъ. Общественные инстинкты заставляютъ дѣтей сочувствовать Аввакуму, Вильгельму Теллю, но они молчатъ объ этомъ, потому что законоучитель порицаетъ людей, не повинующихся предрождающимъ властямъ, отъ Бога поставленнымъ.

И такія коллизіи встрѣчаются на каждомъ шагу. У насъ широко распространенъ обычай водить дѣтей въ церковь. Во время поста, когда дѣти говѣютъ, это настолько мучительно, что нѣкоторымъ приходитъ въ голову мысль, да ужъ не лучше ли предпочесть въ отдаленномъ будущемъ огненную геенну, чѣмъ это исполненіе обрядовъ. И, однакоже, они посѣщаютъ всѣ службы, и сколько же въ этомъ формальнаго лицемерія?

Есть еще одна сторона въ этомъ дѣлѣ, на которую обратилъ вниманіе еще Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Ничто такъ подавляюще не дѣйствуетъ на дѣтскую душу, какъ картины ада, котораго, по общепринятому мнѣнію, все равно, не миновать. Ничто такъ не пугаетъ, какъ образъ дьявола, постоянно искушающаго человѣка. Рай — это что-то блѣдное, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ ангельскаго пѣнія; но адъ и дьяволъ разрисовываются въ воображеніи дѣтей всѣми красками ужаса.

«Адъ, — по словамъ Г. И. Успенскаго, — разработанъ народною фантазіей до мельчайшихъ подробностей; здѣсь все изслѣдовано такъ подробно, точно изслѣдователи имѣли въ рукахъ программу на этотъ счетъ отъ какого-нибудь статистическаго комитета»... Какъ часто сжимается отъ ужаса дѣтское сердце при всякомъ воспоминаніи объ адѣ и діаволѣ, и какъ эти воспоминанія преслѣдуютъ дѣтей и во снѣ, какъ кошмаръ, и наяву, какъ яркія картины живого дѣтскаго воображенія. «Воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ адскихъ мученій, — говоритъ Тяпушкинъ у Г. И. Успенскаго, — крюковъ, вогнутыхъ въ ребра, огня, полымя и смрада имѣли едва ли не самое сильное и важное значеніе для дальнѣйшей участи моего сердца. Можно положительно сказать, что я едва только вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ-концовъ крюкъ въ ребро и огонь». Стоитъ представить себѣ эту психику запуганнаго адомъ ребенка, не знающаго, какъ примирить и свои инстинкты и свои наблюденія съ уроками законоучителя, чтобы понять, какое безвольное, нерѣшительное и въ то же время лицемѣрное существо приготовила бы современная школа, если бы подрастающія поколѣнія не спасала литература, библіотека, кружки самообразованія и проч. Но мы не должны слишкомъ преувеличивать значенія этихъ послѣднихъ вліяній хотя бы потому, что далеко не вездѣ доступна народу хорошая литература, далеко не вездѣ есть сносныя библіотеки, не вездѣ существуютъ кружки.

Если бы даже мы, въ самомъ непродолжительномъ времени, сдѣлали общедоступной школу для всѣхъ дѣтей, курсы, аудиторіи и библіотеки для всѣхъ взрослыхъ, — даже тогда мы должны были бы заботиться о томъ, чтобы умъ народный не растрчивался на эту часто непосильную борьбу между непримиримыми противорѣчіями. Эти противорѣчія такъ же мучительны въ жизни, какъ мучительны для музыканта грубые диссонансы въ любимой пьесѣ. Но жизнь дороже всѣхъ пьесъ, вмѣстѣ взятыхъ. И нѣтъ на свѣтѣ болѣе важнаго дѣла, какъ внести гармонію въ наши идеи, въ нашъ умъ, въ наши инстинкты и чувства, въ наше сердце, въ наши желанія и въ наши поступки, въ нашу волю.

Споръ между школою и обществомъ ¹⁾.

Многіе признаки показываютъ, что дѣло народнаго образованія намѣревается взять въ свои руки та самая бюрократія, благодаря которой наша страна по степени распространенія образованія занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Возможно, впрочемъ, что ея заявленія сдѣланы лишь въ расчетѣ на то, чтобы вызвать въ народныхъ массахъ недовольство распущенной Государственною Думой, будто бы игнорировавшею этотъ важный вопросъ. Но если акты, которые мы имѣемъ въ виду, вполне искренни, то несомнѣнно, что ближайшему будущему нашего просвѣщенія угрожаетъ серьезная опасность. И все русское общество должно стать на стражѣ народнаго образованія. Оно должно ясно представить себѣ, каковъ долженъ быть строй будущей школы и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, и прежде всего — въ чьихъ рукахъ должно находиться это дѣло, какъ оградить его отъ растлѣвающаго вліянія тѣхъ силъ, которыя задерживали его развитіе, изгнали рациональную педагогику изъ школы, фальсифицировали школьную науку, обезличили учителя, обратили школу въ казарму, возстановили учащихся противъ учащихся, семью противъ школы и школу противъ семьи.

Характеръ школы всегда находится въ соотвѣтствіи съ общественнымъ строемъ и отъ него зависитъ. Такъ было на Западѣ, такъ стоитъ дѣло и у насъ. Столпы нашего отживающаго полицейско-сословнаго строя считали этотъ строй единственно разумнымъ, возможнымъ, незыблемымъ и научнымъ. Всякую мысль о другомъ лучшемъ строѣ они признавали бессмысленными мечтаніями. На людей они смотрѣли, какъ на пассивный матеріаль для существующаго государственнаго зданія, забывая, что обыватели, хотя бы они и не были гражданами, не похожи на тотъ матеріаль, надъ которымъ работаетъ плотникъ, каменщикъ или садовникъ. Чтобы укрѣпить и сдѣлать совершенно неподвижнымъ государственное

¹⁾ Статья эта была напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1 августа 1906 г. Здѣсь она напечатана въ исправленномъ видѣ.

зданіе, имъ нужно было посредствомъ школы и другихъ учрежденій выдрессировать каждаго человѣка такъ, чтобы онъ наилучшимъ образомъ исполнялъ заранѣе предназначенныя для него совершенно опредѣленныя функціи, какъ плотникъ обтесываетъ каждую доску, заранѣе намѣчая для нея опредѣленную роль въ постройкѣ. Кто родился крестьяниномъ, для того открывался безпрепятственный доступъ въ церковно-приходскую школу грамоты съ опредѣленной программой, а поступать въ привилегированное учебное заведеніе онъ не могъ, и даже въ прогимназію ему былъ затрудненъ доступъ и циркуляромъ о кухаркиномъ сынѣ и другими ограниченіями. Школа существовала не для ученика, а для поддержанія строя: она должна была приготовить крестьянина къ роли плательщика, опекаемаго безчисленнымъ множествомъ всякаго начальства, и потому должна была обезличить его и научить его безпрекословному повиновенію. Столпы общества хорошо понимали, что ихъ строй держится не на ихъ силѣ (она была равна нулю), а на рабскихъ чувствахъ и привычкахъ народа. Такъ какъ существовавшій строй для крестьянъ былъ невыгоденъ, то необходимо было возможно крѣпче закупорить его мозги, не дать проникнуть въ его голову ни единой критической мысли, держать его сознание въ полусумрачномъ состояніи, отучить его самостоятельно мыслить и разсуждать. Онъ не долженъ былъ ничего знать о другихъ лучшихъ порядкахъ, о новыхъ умственныхъ теченіяхъ и требованіяхъ вѣка. Онъ безпрепятственно могъ набивать свою голову только суевѣріями и предрасудками, «дорогими для русскаго народа», какъ выражались столпы. Но истинныя, не фальсифицированныя знанія нещадно изгонялись изъ школъ, такъ какъ такія знанія свидѣтельствовали противъ стараго строя. «Нѣтъ ничего труднѣе, какъ управлять образованнымъ народомъ»... «Мы не любимъ умныхъ людей»... Таковы были выраженія столповъ отечества въ минуту откровенности. Они твердо вѣрили, что ихъ строй можетъ держаться только на невѣжествѣ массъ.

Сынъ дворянина, имѣвшаго крупный чинъ, могъ поступить въ училище правовѣдѣнія и другія привилегированныя учебныя заведенія, гдѣ муштровали изъ него будущаго столпа отечества, и дѣлали это тѣмъ легче, что существующій строй былъ для него выгоденъ. Точно такъ же опредѣленныя школа

и карьера предназначались для поповскаго сына, другая — для офицерскаго и т. д. Для еврея существовала своя школа и опредѣленная черта осѣдлости. Въ сущности передъ столпами рисовался тотъ же идеаль, который руководилъ Аракчеевымъ въ устройствѣ его знаменитыхъ военныхъ поселеній. Это — идеаль генерала, мечтающаго объ обществѣ, какъ объ арміи, вытянутой въ прямыя линіи и разбитой на полки, эскадроны и бригады. Каждому было заранѣе отведено свое мѣсто въ обществѣ, свое образованіе, свой духовный мундиръ и шаблонъ, свои обязанности, а иногда и права, и все это опредѣлялось одною случайностью рожденія. Правда, что способности и таланты распредѣлялись совсѣмъ не такъ, какъ хотѣли бы столпы отечества. Непривилегированные классы, несмотря на всѣ плотины и преграды, дали Ломоносова, Посошкова, Сперанскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Горькаго, Андреева, Шаляпина, Рѣпина и другихъ, а изъ привилегированныхъ классовъ выходили виновники севастопольскаго, мукденскаго, лоянскаго и цусимскаго пораженій. Правящіе классы привели страну къ нищетѣ, голоду, финансовому разстройству и къ неслыханному позору. Но чѣмъ болѣе трещинъ давалъ старый строй, тѣмъ усерднѣе оберегалось сознание народа отъ попытокъ критическаго отношенія къ этому строю. Отсюда все усиливавшееся давленіе на школу, боязнь каждаго новшества, недовѣріе къ обществу, частной инициативѣ и учителямъ, огражденіе учащихся отъ вліянія книги, газеты, интеллигенціи, самый подозрительный надзоръ надъ учащими и учащимися заразъ посредствомъ экзаменовъ и цѣлой системы шпионства, замѣна педагогики и дидактики официальными программами и циркулярами и крайне своеобразная система школьнаго завѣдыванія, монополизировавшая въ рукахъ бюрократіи и поглотившая образованіе, ставшая тираномъ и палачомъ дѣтской души.

Въ прошломъ самымъ вліятельнымъ учрежденіемъ въ школьномъ дѣлѣ былъ департаментъ полиціи, связанный интимными связями съ камарильей, въ родѣ звѣздной палаты, и безчисленное множество подчиненныхъ ему учреждений и лицъ. Ни одна школа не могла быть открыта, ни одинъ учитель не могъ быть назначенъ безъ разрѣшенія полиціи. Но и разрѣшенная уже школа не могла просуществовать и одного дня, если полиція признавала ее вредною. Всѣ эти

органы и лица дѣйствовали совершенно произвольно и безконтрольно. Самый низшій чинъ жандармскаго управленія, охраннаго отдѣленія, полиціи или шпіоната, какъ бы невѣжественъ онъ ни былъ, какими бы личными и корыстными мотивами ни руководился, оставался въ предѣлахъ недостижимости. Жаловаться было некому и не на кого, потому что все дѣло велось секретно и дѣйствительные мотивы закрытія школы или увольненія учителя никѣмъ не могли быть сообщены пострадавшимъ. Точка зрѣнія была такая: предпочиталось имѣть среди учителей 20% пьяницъ и 80% невѣждъ, лишь бы не было ни одного учителя, который могъ бы оказаться неблагонадежнымъ.

Къ этимъ безчисленнымъ самодержавцамъ примыкали въ качествѣ добровольцевъ всѣ, кому покладливая совѣсть позволяла изъ личной выгоды заниматься доносами. Нужно было взяточнику и казнокраду отдѣлаться отъ непріятнаго ему сослуживца, и онъ обращался къ политическому доносу, часто ложному, какъ къ совершенно безопасному средству. Надо было небрезгающему средствами человѣку получить опредѣленное мѣсто, и въ томъ же доносѣ онъ находилъ вѣрное средство освободить для себя вакансію.

Второе по своему вліянію мѣсто занимали оберъ-прокурорская канцелярія Синода и духовенство. Оно неусыпно слѣдило и за учителями и за направленіемъ школъ, и тамъ, гдѣ не были заинтересованы полиція и ея наемные или добровольные агенты, но были заинтересованы отдѣльные лица изъ духовнаго вѣдомства, послѣднее также легко могло добиться увольненія учителей и закрытія школъ. Министръ народнаго просвѣщенія обыкновенно былъ послушнымъ исполнителемъ распоряженій этихъ двухъ вѣдомствъ. Я знаю случай, когда министерство, исполняя желаніе оберъ-прокурора Синода, въ одной только губерніи закрыло сразу болѣе сотни школъ, пользующихся особымъ сочувствіемъ населенія; а о закрытіи отдѣльныхъ школъ и увольненіи отдѣльныхъ учителей нечего и говорить. И министерство не всегда даже умѣло открыть свою подчиненную роль. Одинъ министръ на ходатайство за одно частное общество по народному образованію не постѣснялся сказать, что онъ сочувствуетъ цѣлямъ этого общества, но ничего не можетъ сдѣлать, потому что противъ стоитъ оберъ-прокуроръ Синода. На возраженіе, что это дѣло не

можетъ касаться оберъ-прокурора, что оно всецѣло принадлежитъ компетенціи министерства, министръ прямо отвѣчалъ, что онъ безсиленъ, когда имѣеть такого противника.

Тамъ, гдѣ оканчивались интересы полиціи и духовнаго вѣдомства, начиналось вліяніе Министерства Народнаго Просвѣщенія съ ученымъ комитетомъ, попечителями учебныхъ округовъ, директорами и инспекторами народныхъ училищъ, вліяніе училищныхъ совѣтовъ съ предводителями дворянства, земскими начальниками и попечителями школъ; еще въ 70-хъ годахъ баронъ Корфъ сосчиталъ, что у каждой начальной школы 18 начальниковъ; но съ тѣхъ поръ число ихъ значительно возросло. Каждый изъ этихъ начальниковъ, въ большинствѣ случаевъ не заинтересованныхъ въ рациональной постановкѣ учебно-воспитательной части и преслѣдующихъ цѣли, ничего общаго не имѣющія ни съ благомъ дѣтей ни съ истиннымъ просвѣщеніемъ, могъ налагать свою властную руку на всѣ стороны школьнаго дѣла, вліять на направле- ніе обученія, на дисциплину, на выборъ книгъ и учебниковъ и проч.

Зато у лицъ и учреждений, всего болѣе заинтересованныхъ въ правильной постановкѣ школьнаго дѣла, — у учащихся, у родителей учащихся и у содержателей школъ, — не было сколько-нибудь самостоятельнаго положенія, почти не было правъ; на нихъ лежали только однѣ тяжелыя обязанности. Учителя должны были безпрекословно исполнять всѣ приказанія, циркуляры и инструкціи многочисленнаго, поставленнаго надъ ними начальства. Родители обязывались исполнять всѣ требованія, предъявляемыя къ нимъ школою. За домашнею жизнью дѣтей былъ учрежденъ строгій надзоръ и шпіонство въ лицѣ надзирателей, помощниковъ классныхъ наставниковъ и самихъ учителей и наставниковъ. Эти лица должны были посѣщать ученическія квартиры и доносить начальству обо всѣхъ отступленіяхъ отъ подробно регламентированныхъ правилъ для учащихся.

Но старый сословно-полицейскій строй въ самомъ себѣ носилъ всѣ задатки разрушенія. Дальновидные люди еще столѣтъ тому назадъ утверждали, что гнетъ сверху, устраненіе народа отъ общественныхъ дѣлъ, лишеніе простора въ само- дѣятельности могутъ привести страну къ разложенію и гибели. И когда политика стараго строя привела страну къ Цусимѣ

на морѣ, къ Цусимѣ въ финансахъ, въ экономическомъ положеніи страны, къ Цусимѣ въ школахъ, то самые темные слои населенія поняли предстоящую опасность вырожденія и гибели. Съ другой стороны, гоненія на свободомыслящихъ людей, давно предсказывавшихъ, къ чему ведетъ политика угнетенія, заставила самыхъ индифферентныхъ людей съ жаромъ неофитовъ стать на защиту поруганной свободы. Самые вялые люди проявили такой энтузіазмъ и энергію, что теперь для всякаго ясно, что русскіе умѣютъ любить свободу, стоять за нее и приносить ей жертвы. Кому теперь не ясно, что порядокъ постоянно нарушался бюрократіей, но что онъ можетъ быть поддержанъ самимъ обществомъ. У людей есть общіе интересы, и сознаніе этихъ интересовъ заставитъ само общество установить порядокъ въ школахъ и взаимную безопасность въ общественной жизни, какъ онъ легко и просто устанавливается на улицѣ, въ толпѣ, безъ всякаго участія полиціи. Несомнѣнно, мы наканунѣ того давно желаннаго строя, когда ни полиція, ни сословія, ни бюрократія, а само общество будетъ устраивать общественную жизнь. Сами обыватели превратятся въ гражданъ и, сгруппированные по профессіямъ, по интересамъ, по мѣсту жительства, по разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, построеннымъ на широкихъ демократическихъ началахъ, проявятъ всѣ сдвинутыя до сихъ поръ творческія силы, чтобы создавать, развивать и улучшать новый строй, основанный на самодѣятельности всѣхъ личностей, безъ различія классовъ, пола, вѣроисповѣданій, національностей. Маленькую кучку правящаго класса, привыкшую къ произволу, самовластію, безконтрольности и безотвѣтственности, — кучку, воспитанную въ школахъ Д. Толстого, Побѣдоносцева и Плеве, лишенную творчества, должны замѣнить всѣ живыя силы страны. И чтобы поставить школу въ отвѣтствіе съ современными политическо-общественными стремленіями русскаго общества, въ завѣдываніи новою школою не должно быть никакого мѣста ни департаменту полиціи, ни оберъ-прокурору Синода, ни попечителямъ округовъ, ни директорамъ и инспекторамъ училищъ, ни училищнымъ совѣтамъ прежняго состава, ни дворянству въ лицѣ предводителей и земскихъ начальниковъ, ни единоличнымъ попечителямъ школъ.

Нужно организовать живые и действительные общественные силы, способные работать на поприще просвещения и представлявшие до сих пор ничем не связанную человеческую пыль, и только этим общественным организациям должно быть предоставлено ведение школьного дела в стране. Централизация школьного дела, принеся ему столько вреда, должна уступить место децентрализации. При этом нечего бояться, что таким образом будет нарушена идея единства общеобразовательной школы. Единство школы достигается совсем не бюрократическими циркулярами. Оно достигается широким распространением основных принципов, на которых должна быть построена школа. Все школьные деятели или, по крайней мере, подавляющее большинство их, по своим убеждениям, явятся детьми своего века и потому будут согласны друг с другом в том, что является для данного времени бесспорным и для большинства наиболее желательным. Останутся частности, спорные вопросы, которые будут решаться по-разному в разных местах; но в этом-то и заключается залог прогресса. Ни наука, ни искусство, ни литература, кажется, ни разу и нигде в мире еще не жаловались на отсутствие соответствующих канцелярий, регулирующих их деятельность, и едва ли кто решится утверждать, что канцелярии могли бы служить им на пользу. Нет оснований думать, чтобы и педагогическое дело не обошлось вполне благополучно без руководящих циркуляров и канцелярий.

Первая из сил, ближайшим образом прикосновенная и заинтересованная школою, — это учащие. Никакие программы, никакие планы обучения, никакие руководители, учебники и руководства, ничто не заменит живого учительского воздействия на учащихся. И от того, как учащие поймут и исполняют свое назначение, будет прежде всего зависеть и будущее нашей школы, и в значительной мере будущее нашей родины.

И насколько наши учителя будут сами просвещены, любознательны, знающие и умелы, настолько будут велики и результаты наших просветительных учреждений. До сих пор учителям давали такую подготовку, чтобы у них не было ни научных знаний ни педагогических умений. Если в общеобразовательных школах всего более старались о

томъ, чтобы охладить юные умы и закупорить мозги учащагося юношества, то въ учительскихъ школахъ всѣхъ видовъ эти цѣли преслѣдовались съ такимъ усердіемъ и съ такими ухищреніями, какія непосвященному во всѣ тонкости дѣла человѣку покажутся просто невѣроятными. Достаточно прочитать программы учительскихъ семинарій и объяснительную къ нимъ записку, чтобы видѣть, какъ изъ курса этихъ профессиональныхъ заведеній устранялся всякій намекъ на современную науку и особенно на принципы, лежащіе въ ея основѣ, съ какою заботливостью оберегались всѣ суевѣрія и предрасудки, особенно дорогіе правившимъ классамъ. Будущій народный учитель долженъ обладать широкимъ образованіемъ и долженъ быть вооруженъ основательными, нефальсифицированными знаніями и особенно изъ областей естествовѣдѣнія и обществовѣдѣнія, а также знаніями, имѣющими прямое отношеніе къ его профессіи, изъ фізіологіи въ связи съ гигиеной, экспериментальной психологіи, дидактики, методики и исторіи педагогики. Но онъ долженъ не только знать, но и умѣть. Онъ долженъ обладать умѣньемъ обученій, приобретаемымъ на практическихъ занятіяхъ въ образцовой школѣ, долженъ быть знакомъ съ наглядными и другими пособіями, употребительными учебниками, книгами для класснаго и внѣкласснаго чтенія; на экскурсіяхъ онъ долженъ познакомиться съ постановкой учебнаго дѣла въ школахъ, особенно заслуживающихъ его вниманія.

И дѣло подготовки учителей, соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ, должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ. Будемъ мы имѣть хорошихъ учителей—надлежащее развитіе школьнаго дѣла будетъ обезпечено. Не будетъ у насъ хорошо подготовленныхъ учителей—не будетъ ничего.

И вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо раскрыпощеніе учителя. Это требованіе должно быть поставлено въ ряду главнѣйшихъ: о немъ нельзя забывать ни на одну минуту. Въ будущей школѣ учитель будетъ воспитывать не рабовъ, не обывателей, лишенныхъ воли, а свободныхъ граждапъ; но для этого онъ самъ долженъ чувствовать себя свободнымъ гражданиномъ. Учитель воспитываетъ дѣтей не только посредствомъ обученія и словеснаго внушенія, но, что еще важнѣе, своимъ примѣромъ. Только въ этомъ случаѣ ученики незамѣтно для нихъ самихъ подчиняются вліянію искрен-

нихъ стремленій и убѣжденій учителя. Но для этого учитель долженъ быть независимымъ и полноправнымъ: онъ долженъ имѣть возможность принимать участіе какъ въ мѣстной общественной жизни, такъ и въ политической борьбѣ, проводить въ жизнь и бороться за свои общественные и политическіе идеалы; но это возможно лишь при томъ условіи, если правовое положеніе учителя будетъ улучшено и онъ будетъ огражденъ отъ всякихъ покушеній на его права, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны духовенства и другихъ классовъ и учреждений, стѣснявшихъ до сихъ поръ самостоятельность учащихся. Сопоставьте успѣхи школьнаго дѣла въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, и вы увидите, какъ съ улучшеніемъ правового положенія учителя улучшалась и школа. Если самостоятельность учителя не должна быть стѣснена въ области общественной и политической дѣятельности, то тѣмъ болѣе свобода должна быть предоставлена ему въ его профессиональной дѣятельности.

Когда онъ по требованію столповъ стараго строя готовилъ послушныхъ обывателей, училъ дѣтей одному повиновенію, ему не надо было простора и свободы: свободолюбивый учитель былъ бы совсѣмъ не пригоденъ для этой роли. Въ будущей школѣ учителю должны быть предоставлены свобода въ обученіи, инициатива и извѣстный просторъ въ его творческой дѣятельности. Только при такой свободѣ учитель будетъ учить правдѣ, а не лицемѣрною лжи. Конечно, онъ долженъ быть знакомъ по возможности со всѣми распространенными методами преподаванія, учебниками, пособіями, руководствами; но пользоваться онъ будетъ лишь тѣми изъ нихъ, которые отвѣчаютъ его личному убѣженію. Насиліе въ этомъ отношеніи принесетъ только вредъ. Какъ врачъ въ своей дѣятельности руководится наукою и своею совѣстью и при лѣченіи больного не справляется съ желаніями начальства, а если совѣтуется, то лишь съ болѣе опытными товарищами, такъ и учитель долженъ руководиться педагогикой въ обширномъ смыслѣ этого слова и своими убѣженіями. Если бы онъ поступалъ не такъ, онъ очень скоро утратилъ бы необходимое ему довѣріе населенія. Онъ долженъ походить въ этомъ случаѣ на англійскаго судью, который руководится только закономъ и своею совѣстью. Если бы англійскіе судьи стали исполнителями предписаній свыше, какими дѣлаютъ судей у

насъ, то они давно бы утратили свой авторитетъ, и англійскій судъ превратился бы въ русскій полицейскій участокъ. Такъ и учитель превращается въ мелкаго чиновника, если изъ него дѣлаютъ простаго исполнителя начальственныхъ приказаній. Обученіе и воспитаніе, въ извѣстномъ смыслѣ, — искусство, а учитель — художникъ, и, какъ художнику, ему долженъ быть предоставленъ просторъ. Свобода художника и артиста не обозначаетъ еще безконтрольности: для него нѣтъ суда строже ежедневнаго тысячеголаваго контроля публики. Что для художника дѣлаетъ публика, выдвигая впередъ достойнѣйшихъ не по ихъ внѣшнему положенію, а по ихъ личнымъ дарованіямъ и заслугамъ, то для учителей должно дѣлать общественное мнѣніе. Дѣятельность учителя должна находиться подъ постояннымъ контролемъ общества.

Но, кромѣ контроля общественнаго мнѣнія, есть еще товарищескій контроль. И учителя должны организоваться въ автономныя, независимыя отъ бюрократіи профессиональныя союзы, и это не только въ интересахъ ихъ матеріальнаго и правового положенія, что, конечно, существенно важно, но также и въ интересахъ самой школы. Каждому профессиональному и, особенно, народному учителю, часто одинокому, живущему въ глуши, вдали отъ интеллигентныхъ центровъ, нужна товарищеская поддержка. Въ случаяхъ затрудненій, встрѣченныхъ имъ въ своемъ дѣлѣ, онъ всего охотнѣе обратится къ товарищамъ, легче всего для него выслушать указанія на свои ошибки отъ товарищей. Къ рѣшеніямъ товарищеской корпораціи онъ отнесется съ особеннымъ довѣріемъ. Ихъ порицанія онъ болѣе всего боится. Ихъ похвала для него лучшее поощреніе. Изъ этого слѣдуетъ, что учительская корпорація въ цѣломъ должна имѣть представительство во всѣхъ органахъ, завѣдующихъ школьнымъ дѣломъ въ мелкой общественной единицѣ, уѣздѣ, губерніи и области, равно какъ и каждому учителю должна быть предоставлена видная роль по завѣдыванію школой, въ которой онъ служитъ.

Но освободить учителя отъ гнета и насилія, гарантировать свободу обученія, это еще не значитъ узаконять цеховую замкнутость учащихся. Исторія народнаго образованія показываетъ, что такая замкнутость всюду вела къ застою, рутинѣ и неподвижности. Замкнутые въ самихъ себѣ, варя-

щіеся въ собственномъ соку, разъ навсегда создавшіе себѣ свои непрекословные авторитеты, далекіе отъ жизни и высококомѣрно смотрящіе на нее съ своего мнимаго педагогическаго Олимпа, они очень скоро отстаютъ отъ быстро текущей, все усложняющейся жизни, перестаютъ прислушиваться къ требованіямъ времени, дѣлаются реакціонною силою. При этихъ условіяхъ не можетъ быть прогресса, а есть только застывшая, окаменѣлая на одномъ уровнѣ школа. Даже наука обречена на смерть, если ученый міръ замыкается въ цехъ. Въ этомъ случаѣ не помогутъ никакія права и привилегіи. Чего не дѣлалъ Китай, чтобы возвысить положеніе ученыхъ, и, однакоже, китайская цеховая наука умѣетъ поддерживать только рабское повиновеніе абсолютизму. И нигдѣ, кажется, эта цеховая замкнутость не грозитъ такими пагубными послѣдствіями, какъ въ школьномъ дѣлѣ. Въ то время, какъ въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ строѣ европейскихъ государствъ произошли глубочайшіе перевороты: абсолютизмъ смѣнился парламентаризмомъ, натуральное хозяйство — денежнымъ, феодальный строй — буржуазнымъ; въ то время, какъ техника и естествовѣдѣніе сдѣлали гигантскіе успѣхи, появился цѣлый циклъ новыхъ общественныхъ наукъ, — европейская школа двигалась столь замедленнымъ темпомъ, что и сейчасъ еще въ ней живы остатки средневѣковой программы съ классицизмомъ, средневѣковые методы обученія съ ихъ схоластикой и вербаризмомъ. Словно какой-то вѣковой сонъ сковалъ мозги педагоговъ, и они проспали все, чѣмъ жили, за что боролись и чего достигли за это время другіе люди. Удивительно ли, что просвѣщеніе при такихъ условіяхъ проложило другое русло, очень часто шло помимо школы, распространялось посредствомъ литературы, журналовъ, библіотекъ, кружковъ самообразованія и проч. И если бы этихъ путей внѣшкольнаго образованія не существовало, то школа по всѣмъ правиламъ рутинной педагогики превратила бы всѣхъ такъ называемыхъ образованныхъ людей въ тупыхъ, безличныхъ и послушныхъ рабовъ. Нѣтъ, если мы не хотимъ окаменѣлости и застоя, мы должны сблизить школу съ жизнью, мы должны привлечь къ участию въ школьномъ дѣлѣ все общество, всѣ живыя силы страны, и прежде всего тѣхъ, кому дороги дѣти, ихъ счастье, ихъ развитіе, — родителей.

Права родителей существовали еще тогда, когда не было ни школ ни учителей. Эти права основаны на глубоких инстинктах человеческой природы — на родительском чувствѣ, и это чувство—первый общественный инстинктъ, и родительскія права—первое общественное право.

Сословно-полицейскій строй, защищая гоненія на семью, приводит въ свое оправданіе, что многие родители ничего не понимаютъ въ педагогическомъ дѣлѣ; но если это такъ, то учителямъ слѣдовало бы познакомить такихъ родителей съ своими взглядами, убѣдить ихъ въ истинѣ своихъ воззрѣній, и это прежде всего для того, чтобы привлечь на свою сторону семью, съ которою связываютъ ученика его лучшія и самыя прочныя привязанности. Школа, имѣющая на своей сторонѣ семью, всесильна; школа, враждующая съ семьей, мертва и ничтожна по своему значенію.

Если школа не ладитъ съ семьей, то жертвою разлада являются дѣти, расплачивающіяся за ошибки школы цѣною ни для кого не нужныхъ страданій и исковерканія жизни. При этихъ условіяхъ школа теряетъ свой авторитетъ, учителя перестаютъ быть руководителями въ духовной жизни учащихся, дѣти ненавидятъ школу, исполняютъ ея требованія за страхъ, но не за совѣсть, и самыя лучшія намѣренія учащихся перетолковываютъ въ дурную сторону, всѣ ихъ совѣты понимаютъ наоборотъ, видятъ въ нихъ указаніе, какъ не слѣдуетъ имъ поступать. Не семья существуетъ для школы, а школа для семьи и обѣ вмѣстѣ—для ребенка. Не можетъ быть, чтобы люди, заинтересованные въ данномъ вопросѣ, не напрягли всего своего ума къ усвоенію учительской точки зрѣнія и оказались бы не въ состояніи отличить истину отъ лжи. Въ совѣтѣ школы могли бы участвовать только выборные представители родителей, а выборы дадутъ лучшихъ людей. Но невозможно предположить, чтобы въ цѣломъ школьномъ районѣ не нашлось среди родителей лицъ, способныхъ сознательно отнестись къ вопросу объ обученіи ихъ дѣтей, и съ пользой принять участіе въ совѣтѣ школы, и это тѣмъ болѣе, что имъ виднѣе, какъ вліяетъ школа на интересы и поведение ихъ дѣтей, на ихъ развитіе, ихъ настроеніе, здоровье. Они знаютъ интимную жизнь дѣтей и обогатятъ учителей неподдѣльными фактами изъ дѣтской жизни, имѣющими рѣшающее значеніе въ большинствѣ вопросовъ учебно-воспи-

тательной части школъ. Еще были бы понятны защитительныя рѣчи бюрократіи, если бы ея школа шла впереди народа и опережала взгляды родителей. Но мы знаемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ это было не такъ. Въ послѣднее время было очень много родительскихъ собраній при среднихъ и низшихъ школахъ. Мы всѣ читали въ газетахъ, какъ много свѣжаго, здороваго внесли въ нашу школьную жизнь многія изъ этихъ собраній, какіе серьезные вопросы школьной жизни выдвигали они, насколько выше, разумнѣе и жизнениѣе были требованія многихъ родителей сравнительно съ существующей постановкой школьнаго дѣла. И если въ такихъ собраніяхъ отмѣчались недостатки, то они объясняются особенностями момента, когда два лагеря, ведущихъ постоянную партизанскую войну, — родители и учителя, — впервые рѣшили заключить перемиріе и сообща столкнуться о пуждахъ школы. Почти то же самое можно сказать и о народной школѣ. Мнѣ приходилось уже цитировать требованія, предъявляемыя народомъ къ школѣ. Если не умомъ, то чутьемъ и сердцемъ многіе родители доходили до требованій, гораздо болѣе раціональныхъ и высшихъ, чѣмъ тѣ, какимъ удовлетворяетъ современная школа. Заурядные крестьяне требовали отъ школы для своихъ дѣтей «смекалки, толковитости, дошлости», т.-е. умственного развитія, и находили, что школьная грамматика имъ «ни къ чему».

Они хотятъ, чтобы школа выпускала «знающаго человѣка, т.-е. они требуютъ расширенія начальной программы въ смыслѣ сообщенія знаній. Они хотятъ, чтобы дѣтямъ сообщали «о громѣ и молніи», о томъ, «что ихъ окружаетъ», о томъ, «что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ». Они хотятъ, чтобы ихъ дѣти перестали «вѣрить разнымъ суевѣріямъ», чтобы они полюбили чтеніе, потому что «все почерпается изъ книгъ»..., «книжки—лучшій руководитель человѣка»... онѣ «указуютъ путь»... Рядовые крестьяне требуютъ, чтобы въ народныхъ библіотекахъ были всѣ книги, какія читаютъ образованные люди. Нечего и говорить, насколько эти требованія выше того, что считала возможнымъ предоставить народу бюрократія. Не надо забывать, что въ послѣднее время у насъ народилась крестьянская и рабочая интеллигенція, и ея взгляды на школьное дѣло вполне заслуживаютъ быть выслушанными. Выводъ ясенъ: родителямъ, во-первыхъ, должно быть предо-

ставлено право участвовать въ завѣдываніи чрезъ своихъ представителей тою школою, гдѣ учатся ихъ дѣти, и всѣ они должны имѣть право присутствовать на урокахъ, при одномъ условіи, не мѣшать ни учителю ни ученикамъ въ ихъ работѣ.

Конечно, еще болѣе, чѣмъ родители, заинтересованы въ постановкѣ школы сами учащіеся; но когда рѣчь идетъ о дѣтскихъ народныхъ школахъ, то о формальномъ правѣ ихъ представительства въ завѣдываніи школою не можетъ быть рѣчи. Вопросъ объ активномъ участіи ихъ въ школьныхъ порядкахъ является вопросомъ педагогическимъ, а не юридическимъ.

Послѣ учащихся и родителей никто такъ близко не заинтересованъ въ постановкѣ школьнаго дѣла, какъ органы самоуправленія, начиная съ будущей общественной единицы, продолжая городской думой и уѣзднымъ и губернскимъ земствами и областнымъ самоуправленіемъ, которое, вѣроятно, осуществится, чтобы обслуживать большіе районы, объединенные культурно-историческими особенностями. Даже то сословное земство, какое существуетъ доселѣ и представляетъ протекторатъ дворянскаго сословія надъ всѣми прочими, — даже оно имѣетъ заслуги въ дѣлѣ народнаго образованія. Если наша начальная школа, несмотря на весь гнетъ со стороны полицейско-сословнаго строя, еще сохранила въ себѣ здоровые элементы, то этимъ она обязана не только лучшимъ изъ учащихся, частной инициативѣ въ лицѣ просвѣтителей обществъ и организацій, прогрессивной литературѣ, но и лучшимъ изъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Большая часть расходовъ на школьное дѣло поступала отъ органовъ самоуправленія. На ряду съ частными дѣятелями по народному образованію и литературой эти органы вели трудную борьбу за лучшую школу съ правительствомъ. И школы, содержимыя на средства земства, были несравненно лучше школъ казенныхъ и особенно церковно-приходскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что когда мѣстное самоуправленіе будетъ реформировано на широкихъ демократическихъ началахъ, дѣятельность земства будетъ несравненно продуктивнѣе во всѣхъ отрасляхъ и особенно въ области народнаго образованія. Несомнѣнно, что тогда эти всѣ органы самоуправленія будутъ пользоваться въ глазахъ всего населенія такимъ довѣріемъ и авторитетомъ, какимъ никогда не

пользовались существующія теперь самыя лучшія и прогрессивныя земства. А такъ какъ и тогда значительная часть школьнаго бюджета будетъ покрываться органами самоуправления, то тѣмъ болѣе должно быть имъ предоставлено право въ завѣдываніи дѣломъ народнаго образованія. Представителямъ земства должно быть предоставлено видное участіе не только въ областномъ, губернскомъ и уѣздномъ школьныхъ совѣтахъ, не только въ органѣ, вѣдающемъ школьное дѣло въ районѣ мелкой общественной единицы, но и въ каждой школѣ въ отдѣльности. Только тогда органы самоуправления будутъ охотно давать необходимыя средства на школьное дѣло, когда оно будетъ ихъ собственнымъ дѣломъ. Наибольшія заслуги въ смыслѣ распространенія просвѣщенія принадлежатъ интеллигенціи. Она является носительницей и выразительницей современныхъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, и чѣмъ выше интеллигенція, чѣмъ больше у нея знаній и умѣній, тѣмъ основательнѣе и выше то просвѣщеніе, которое она дастъ народу; чѣмъ она безкорыстнѣе и искреннѣе, тѣмъ скорѣе и шире она распространитъ свои знанія и свои идеалы въ народѣ. И съ этой стороны намъ нечего бояться за будущее нашей родины. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ болѣе идейной и безкорыстной интеллигенціи, чѣмъ наша. Нигдѣ образованные классы не принесли столько жертвъ на благо народа, какъ наша многострадальная интеллигенція. Никакая другая страна не знаетъ столько преслѣдованій, сколько выпало на долю нашихъ идейныхъ борцовъ за благо народа съ его злѣйшими и своекорыстными врагами. Массовыя хожденія въ народъ, бесплатныя воскресныя школы, курсы для крестьянъ и рабочихъ, бібліотеки, народныя чтенія, дешевыя изданія для народа, — все создано ею не только безкорыстно, но и подъ дамокловымъ мечомъ, подъ угрозой со стороны всевозможныхъ держимордъ и палачей, ненавидѣвшихъ всѣми силами души русскаго интеллигента.

Эта интеллигенція и заслужила, и выстрадала свое право едва ли не на первое мѣсто въ дѣлѣ строительства русскаго просвѣщенія, и ей необходимо обезпечить право голоса во всѣхъ уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ школьныхъ совѣтахъ, по выборѣ такихъ обществъ, какъ Лига народнаго образованія или другое аналогичное общество, преслѣдующее такія же культурныя и демократическія цѣли, куда обыкновенно

входятъ въ качествѣ членовъ интеллигентныя лица, интересующіяся дѣломъ народнаго образованія.

Безкорыстное отношеніе и преданность этихъ лицъ дѣлу просвѣщенія, ихъ знанія, ихъ опытъ и таланты, — все ручается за то, что ихъ мнѣнія и ихъ совѣты были бы особенно цѣнными. Устранить ихъ отъ участія въ завѣдываніи школами — это значило бы пренебречь главнымъ рычагомъ, двигающимъ въ странѣ просвѣщеніе народныхъ массъ.

Вотъ и всѣ элементы, изъ которыхъ должны быть составлены совѣты какъ уѣздные, такъ губернскіе и областные. Эти совѣты сами должны выбирать и назначать педагоговъ-руководителей, входящихъ въ составъ совѣтовъ. Такіе руководители будутъ объѣзжать школы, давать примѣрные уроки, помогать учителямъ своими совѣтами и о всѣхъ школьныхъ нуждахъ доводить до свѣдѣнія подлежащихъ учрежденій. Они же будутъ составлять отчеты о школьномъ дѣлѣ въ своихъ районахъ, обращая вниманіе на явленія, особенно поучительныя для учащихся и всѣхъ дѣятелей по народному образованію.

Начальная школа стояла бы слишкомъ далеко отъ органа, заботящагося объ ея нуждахъ, если бы попрежнему этотъ органъ былъ въ уѣздномъ городѣ и обслуживалъ весь уѣздъ. Болѣе того: школа стояла бы далеко даже отъ управы проектируемой мелкой земскоѣ единицы, если бы при самой школѣ не было посредствующаго органа, куда входили бы мѣстныя лица, ближайшимъ образомъ заинтересованныя въ школѣ и хорошо знающія всѣ мѣстныя условія школьнаго района. Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ эту мысль. Надо хорошо знать экономическія и иныя условія каждой семьи, чтобы облегчить доступъ въ школу всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ школьнаго возраста. Надо хорошо знать пути сообщенія со школою всѣхъ селеній школьнаго района и привычки мѣстнаго населенія, чтобы правильно опредѣлить начало и конецъ дневныхъ учебныхъ занятій. Надо хорошо знать мѣстныя условія, чтобы опредѣлить начало и конецъ учебнаго года, зимнихъ каникулъ и проч., во-время прійти на помощь учителю выдачей пособій и проч. То же самое надо сказать и объ улучшеніи школьнаго зданія и объ устройствѣ почлежнаго пріюта, объ организациі подвоза учениковъ изъ отдаленныхъ селеній, объ устройствѣ вечернихъ, воскресныхъ занятій и классовъ для бывшихъ учениковъ и т. д. Никакой

другой органъ не можетъ такъ чутко прислушиваться къ школьнымъ нуждамъ и потребностямъ, какъ мѣстный попечительный комитетъ, при участіи въ немъ заинтересованныхъ мѣстныхъ лицъ и учреждений. Никакой другой органъ не свяжетъ такъ близко школу съ мѣстнымъ населеніемъ, какъ органъ, состоящій изъ мѣстныхъ людей. Этотъ органъ, по соображеніямъ, выше изложеннымъ, долженъ состоять изъ всѣхъ учащихся школы, изъ представителей самоуправляющейся мѣстной единицы и представителей отъ родителей. Представители отъ родителей могли бы входить и въ школьную управу при мелкой земской единицѣ, куда, само собою разумѣется, должны, кромѣ того, входить еще и представители общественной единицы и учащіе. Изъ послѣднихъ двухъ элементовъ, а также школьнаго или санитарнаго врача и представителей Лиги образованія должны состоять уѣздные, губернскіе и областные совѣты.

Перечисленные нами учрежденія совмѣстно съ учительскими съѣздами ведутъ все школьное дѣло и учебно-воспитательную и хозяйственную часть въ своихъ районахъ. Я умалчиваю здѣсь о функціяхъ cadaго изъ этихъ органовъ и о числѣ представителей отъ разныхъ организацій, потому что объ этомъ я говорю въ другомъ мѣстѣ.

Учебныя заведенія, содержимыя на частныя средства, не должны подлежать вѣдѣнію названныхъ нами органовъ. Для нихъ достаточно контроля общественнаго мнѣнія, а въ случаяхъ злоупотребленій — суда. Ихъ свобода особенно цѣнна въ виду того, какъ много творчества и изобрѣтательности вносятъ они въ школьное дѣло. Мнѣ уже приходилось писать о томъ, какъ много новаго, свѣжаго и прогрессивнаго внесли въ нашу школу, на примѣръ, частныя воскресныя школы, несмотря на всѣ гоненія, которымъ онѣ подвергались со стороны администраціи.

Но и общественныя школы, для которыхъ мы намѣтили схему завѣдующихъ органовъ, должны быть освобождены отъ всякихъ административныхъ давленій. Къ сожалѣнію, въ своемъ проектѣ о всеобщемъ обученіи, сообщенномъ газетами, Министерство Народнаго Просвѣщенія и теперь еще держится своихъ старыхъ взглядовъ и полагаетъ, что за нимъ должно быть оставлено общее руководство и наблюденіе за учебной частью. Послѣднія событія его ничему не научили, и оно ничего не

забыло. Мы хорошо знаемъ, что значать его общее руководство и наблюдение за учебною частью. Не то ли самое Министерство издало такія программы и экзаменаціонныя требованія, которыя заставили народныхъ учителей удѣлять въ среднемъ выводѣ 12 часовъ въ недѣлю на диктовку и грамматику и только 3 часа на русское чтение, включая сюда и объяснительное чтение по исторіи и географіи, для чего навязывались школамъ книги, представляющія крайній предѣлъ фальсификаціи современныхъ знаній. Не оно ли изгнало изъ школы почти всѣ развивающіе элементы и оставило только механическіе навыки руки, глаза и уха. Нѣтъ, если оно хочетъ, чтобы народная школа, дѣйствительно, отвѣчала обновленному строю, основанному на самодѣятельности общественныхъ силъ, оно должно отказаться отъ административнаго руководства и наблюденія за школами. Школа не офіціальнѣй органъ, обязанный за денежную подачку проводить ту или другую, часто мѣняющуюся политику Министерства. За центральнымъ органомъ мы оставили бы только представленіе въ парламентъ смѣты по народному образованію, печатаніе и широкое и даровое распространеніе отчетовъ и монографій по народному образованію какъ въ Россіи, такъ и за границей, но и для этихъ функцій въ него должны войти, кромѣ представителей Министерства, выборные представители отъ губернскихъ и областныхъ совѣтовъ.

Только освобожденная отъ давленія администраціи наша школа могла бы быть въ дѣйствительномъ смыслѣ общественной школой. Школу, завѣдываемую только одними общественными учрежденіями, общество, дѣйствительно, считало бы своимъ дѣтищемъ, своимъ созданіемъ и своею заботой. Живая связь между обществомъ и его школой не прерывалась бы. Прогрессированіе такой школы шло бы вмѣстѣ съ развитіемъ общества. Такая школа не отставала бы отъ жизни, а вмѣстѣ съ ней двигалась бы впередъ по пути къ высшимъ идеаламъ человѣчества.

ОТЗЫВЫ

о книгахъ В. П. ВАХТЕРОВА.

- 1) Справочно-Педагогическаго бюро Курскаго губернскаго земства.
- 2) Школьной комисіи Ярославскаго губернскаго земства.
- 3) С.-Петербургскаго учебно-воспитательнаго комитета Музея военно-учебныхъ заведеній.
- 4) Журналовъ и газетъ: «Русскихъ Вѣдомостей», «Курьера», «Русской Школы», «Русской Мысли».
- 5) Книгъ: «Что читать народу?» и «Общее Дѣло».
- 6) Извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской.
- 7) Извѣстнаго историка, профессора П. Н. Милюкова.

ВЪ ПОЛЬЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ УЧАЩИХЪ И ИХЪ СЕМЕЙСТВЪ

поступаетъ весь авторскій гонораръ съ книги

В. П. Вахтерова „ПРЕДМЕТНЫЙ МЕТОДЪ ОБУЧЕНІЯ“,

съ графиками, изображающими результаты экспериментальнаго изслѣдованія автора по данному вопросу.

Москва. Изд. И. Д. СЫТИНА.

Въ пользу тѣхъ же лицъ и семействъ поступить и гонораръ съ книги того же автора: „СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ“.

В. Э. В. (В. и Э. Вахтеровы).

Міръ въ разсказахъ для дѣтей, 1-й годъ. Первая послѣ Букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Ц. **30** коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **ДОПУЩЕНА** къ классному чтенію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Міръ въ разсказахъ для дѣтей, 2-й годъ. Вторая послѣ Букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Ц. **40** коп. 10-е изданіе.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **ДОПУЩЕНА** къ классному чтенію въ начальныхъ народныхъ училищахъ (см. журн. Мин. Нар. Просв. за январь 1902 г.).

Уч. Ком. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи **ОДОБРЕНА** въ качествѣ пособія для младшихъ классовъ среднихъ и для низшихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства.

Міръ въ разсказахъ для дѣтей, 3-й и 4-й годъ. Третья книга для класснаго чтенія 3-й и 4-й годы обученія. Ц. **85** коп.

Отзывъ справочно-педагогическаго бюро Курскаго губернскаго земства.

„Миръ въ разсказахъ для дѣтей“ (3 и 4 годы обученія) представляетъ собою, по мнѣнію бюро, *выдающееся, если не исключительное явленіе въ нашей народно-учебной литературѣ*. Въ литературномъ ея отдѣлѣ помѣщены прекрасныя по мысли произведенія нашихъ отечественныхъ и иностранныхъ художниковъ слова, которыя трудно было встрѣтить въ другихъ школьныхъ хрестоматіяхъ. Правда, въ нѣкоторыхъ книгахъ для класснаго чтенія можно найти много хорошихъ произведеній, но мысли и чувства, изображаемыя въ нихъ, часто не входятъ въ кругъ психической дѣятельности юныхъ читателей, не могутъ быть ими продуманы и прочувствованы и, не затрогивая созвучныхъ струнъ ихъ души, не производятъ должнаго вліянія, тогда какъ статьи „Мира въ разсказахъ“, чуждыя притомъ всякой тенденціозности, изображая явленія, близкія душѣ ихъ, рисуя понятные имъ образы, описывая чувства и настроенія, пережитыя нѣкоторыми изъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, родственныя имъ, этимъ самымъ производятъ сильное и прочное впечатлѣніе и оказываютъ благотворное вліяніе, заставляя ихъ сердца отзываться сочувствіемъ и любовью къ человѣку. Хорошо подобранъ и иллюстрированъ географическій отдѣлъ. Въ немъ, вмѣсто сухихъ описаній, сообщающихъ ничтожный запасъ мертвыхъ номенклатурныхъ географическихъ знаній, ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу дѣтей и обыкновенно скоро забывающихся, даются красочныя изображенія природы, которыя прочно запечатлѣваютъ въ памяти учащихся разнообразныя ея явленія, характеръ страны и бытъ населяющихъ ее жителей. Живо помнится, какъ, по прочтеніи блѣдныхъ географическихъ статей въ принятыхъ тогда въ школахъ учебныхъ руководствахъ, питомцы, бывало, почти ничего не выносятъ и скоро забываютъ прочитанное, тогда какъ географическій отдѣлъ „Мира въ разсказахъ“ будетъ перечитываться дѣтьми и въ кругу семьи и главное (что особенно важно) можетъ возбуждать въ нихъ интересъ и стремленіе къ расширенію и углубленію своихъ познаній въ этой области. Въ исторической своей части новый трудъ порываетъ съ установившеюся рутинной преподаванія, свидѣтельствуя о глубокомъ знакомствѣ автора съ законами дѣтской психологіи и умѣньѣ выбирать матеріалъ, наиболѣе отвѣчающій ея требованіямъ.

Учитель свяжетъ приводимыя составителемъ статьи отечественныхъ писателей и закрѣпитъ въ памяти учащихся представленія о характерѣ и особенностяхъ важнѣйшихъ историческихъ эпохъ, не прибѣгая къ передачѣ историческаго балласта, порою недостаточно научнаго и представляющаго сомнительную цѣнность въ смыслѣ образовательно-воспитательномъ.

Но если эти отдѣлы „Мира въ разсказахъ для дѣтей“ напоминаютъ отчасти соотвѣтствующіе лучшіе труды другихъ составителей, то въ естественно-исторической части книги *авторъ занимаетъ исключительное мѣсто, являясь творцомъ чрезвычайно разнообразнаго и цѣннаго научнаго матеріала, переработаннаго въ системъ, ступени которой устроены такъ, что ученикъ можетъ послѣдовательно подняться по нимъ съ незначительною помощію*. Цѣлый рядъ статей по физикѣ, химіи, ботаникѣ, физиологіи, астрономіи и проч. написанъ съ большою талантливостію. Достоинно вниманія, что авторъ во всѣхъ

этихъ отрасляхъ знанія является настоящимъ хозяиномъ дѣла, любящимъ его и широко осведомленнымъ въ вопросахъ трактуемаго предмета, такъ что самый компетентный критикъ не можетъ, повидимому, найти ни единой строчки фальсификаціи науки. Но въ школьномъ руководствѣ форма также занимаетъ важное мѣсто.

Въ этомъ отношеніи всѣ естественно-историческія статьи книги могутъ служить примѣромъ того, какъ нужно излагать научный матеріалъ для дѣтей начальной школы: форма изложенія легка, проста, образна, изобразительна, въ книгѣ много чрезвычайно мягкихъ сравненій, облегчающихъ усвоеніе ея содержанія, уподобленій и примѣровъ, которые далеко не всякому могутъ прійти въ голову; приводимые опыты часто настолько просты, что учитель безъ особыхъ затрудненій при добромъ желаніи можетъ продѣлать ихъ въ своей школѣ.

Самое изложеніе научно-популярныхъ статей таково, что оно должно глубоко заинтересовать дѣтей, вводя ихъ все больше въ міръ науки и облегчая усвоеніе фактовъ, пробуждая въ нихъ наблюдательность, любознательность и вызывая стремленіе доходить до уясненія представляющихся имъ задачъ собственными усиліями на основѣ имѣющихся у нихъ нѣкоторыхъ научныхъ понятій.

Только переработавши совмѣстно съ хорошимъ учителемъ весь этотъ матеріалъ, учащіяся очистятся отъ тѣхъ грубыхъ суетѣрій всевозможныхъ родовъ, которыя въ такой сильной степени присущи еще нынѣшнимъ питомцамъ элементарной школы.

Отдѣлъ этотъ можетъ принести большую пользу и самимъ учащимъ начальныхъ училищъ, указывая имъ лучшіе всякихъ методикъ по естествознанію наиболее ильсообразные методы и способы усвоенія научныхъ знаній при дѣятельномъ участіи всей школы.

Основная идея, какъ лучомъ проникающая весь этотъ трудъ, прекрасна по своему содержанію, и ни одна статья не находится съ нею въ дисгармоніи, чего нельзя сказать про нѣкоторыхъ другихъ составителей, которые, по отсутствію ли нравственнаго чутья, по незнакомству ли съ лучшими литературными твореніями или по другимъ какимъ причинамъ, допускаютъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе серьезныя погрѣшности.

Только одинъ вопросъ невольно приходитъ въ голову. Могутъ ли всѣ эти научныя истины по своему существу быть объяты умомъ ученика, не достаточно еще обобщающаго, и не придется ли ему принять на вѣру нѣкоторыя изъ нихъ?

Тѣ немногіе, впрочемъ, школьные учителя, хорошо ознакомившіеся съ книгой „Міръ въ разказахъ для дѣтей“, утверждали, что дѣти съ двухлѣтней и въ особенности съ трехлѣтней школьной подготовкой въ состояніи достаточно усвоить естественно-историческій отдѣлъ ¹⁾.

Бюро извѣстно, что нѣсколько реалистовъ второго класса мѣстнаго реальнаго училища самостоятельно изучаютъ естественную исторію по „Міру въ

¹⁾ Много въ этомъ отношеніи, конечно, зависитъ отъ степени умственнаго развитія учащихъ и подготовки учащихся, къ которымъ книга „Міръ въ разказахъ“, безспорно, предъявляетъ довольно серьезныя требованія.

разказахъ для дѣтей“ и сами дѣлають указаннныя въ немъ опыты. Народные учителя съ большимъ интересомъ знакомятся съ новой книгой „Миръ въ разказахъ“. И не только практическіе дѣятели просвѣщенія естественно должны интересоваться „Миромъ въ разказахъ“, но и многія другія лица, желавшія видѣть въ школѣ *достойную дѣтей народа книгу для чтенія*.

Невольно вспоминаются сухіе университетскіе курсы зоологіи, ботаники, геологіи и минералогіи въ годы школьной жизни.

И только извѣстный популяризаторъ К. Тимирязевъ вносилъ своими трудами жизнь въ жизнь растений. „Миръ въ разказахъ“ съ такимъ же искусствомъ вноситъ жизнь во все многообразныя отрасли того великаго цѣлаго, которое называется органической и неорганической природой.

Рецензентъ книги П. Шестаковъ говоритъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 191), что „она должна быть поставлена на ряду съ лучшими изъ имѣющихся у насъ хрестоматій для народныхъ училищъ“. Бюро знакомо почти со всеми лучшими школьными хрестоматіями и трудами въ той же области и думаетъ, однако, что „Миръ въ разказахъ“ *превосходитъ по своимъ достоинствамъ все появившіяся до сихъ поръ на книжномъ рынкѣ школьныя хрестоматіи и выше стоитъ второй книги для чтенія, которая не лишена нѣкоторыхъ дефектовъ*.

Г. Шестаковъ ставитъ на видъ составителю, что въ его трудѣ отсутствуютъ свѣдѣнія по государственному и мѣстному самоуправленію, промысламъ, торговлѣ, путямъ сообщенія... Но бюро думаетъ, что авторъ руководился присутіемъ ему педагогическимъ тактомъ и не помѣстилъ требуемыхъ рецензентомъ свѣдѣній, которыя не всегда интересны даже для народныхъ студентовъ Англій, Австріи и нашей Одесской городской аудиторіи. Да и представляется ли надобность въ настоящее время въ составленіи хрестоматіи, долженствующей служить школьной энциклопедіей, когда мы находимся наканунѣ полной реорганизации въ дѣлѣ народнаго образованія? Разъ создадутся внѣшкольныя просвѣтительныя учрежденія и повысится типъ начальнаго народнаго образованія, тогда возможно будетъ въ старшихъ классахъ школы или во внѣшкольныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ изучать разнообразныя отрасли знаній въ строгой системѣ и въ большомъ объемѣ; въ курсѣ же нынѣшней начальной школы не столько важно систематическое изученіе предмета и разнообразіе знаній, сколько пробужденіе самаго интереса къ научному знанію путемъ, положимъ, такихъ *прекрасныхъ жизнеописаній выдающихся представителей науки, которыя такъ украшаютъ „Миръ въ разказахъ“*.

Школьная комиссія Ярославскаго губернскаго земства составила особую коллекцію наглядныхъ пособій, примѣнительно къ книгѣ для класснаго чтенія В. и Э. Вахтеровыхъ „Миръ въ разказахъ для дѣтей“. Книга эта, по разнообразію и умѣлому подбору матеріала для чтенія, по ясному и толковому изложенію, заключаетъ въ себѣ, несомнѣнно, большія достоинства и можетъ быть съ успѣхомъ рекомендована для употребленія въ народныхъ училищахъ. Особенно интересно и хорошо разработаны въ книгѣ отдѣлы по естествознанію: статьи изъ зеленаго царства природы, изъ области „воздухъ и вода“, по ана-

томін челоуѣка, гигиенѣ и проч., т.-е. какъ разъ тотъ отдѣлъ, который болѣе всего нуждается въ иллюстрированіи наглядными пособиями. Оставаясь, по возможности, въ предѣлахъ ассигнованной собраніемъ суммы, школьной комиссіей былъ составленъ слѣдующій списокъ наглядныхъ пособій къ книгѣ Вахтеровыхъ.

Коллекція наглядныхъ пособій, составленная по книгѣ для класснаго чтенія В. и Э. Вахтеровыхъ „Міръ въ разсказахъ для дѣтей“.

КАРТИНЫ:	Цѣна за уступ- кой 10—150/0.	Стоимость на- клейки картинокъ и переплеты.
1) Вальтеръ. Атласъ растений и животныхъ, 30 картинъ	1 р. 60 коп.	— р. 60 коп.
2) Животовскій. 5 карт. по физической гео- графіи: 1) тундра и перистыя облака, 2) сѣверное сіяніе и вѣда на оленяхъ, 3) кучевыя облака, радуга и степь, 4) самумъ въ пустынѣ, 5) водопадъ	2 „ 55	1 „ — „
3) 12 картинъ по географіи, изд. Сытина	— „ 20	— „ 24 „
4) Человѣческія расы: 5 головъ на одной таблицѣ	— „ 40	— „ 10 „
5) Картины по русской исторіи, изд. Сы- тина	— „ 50	— „ 20 „
6) Эшнеръ. Анатомическія таблицы: 1) скелеть и мускулатура, 2) внутренніе органы	2 „ 07	— „ 65 „

Физическіе приборы: химическая посуда и препараты.

7) Спиртовая лампочка 4-унцовая	— р. 45 к.
8) Треножникъ для лампочки съ латунной сѣткой	— „ 35 „
9) 1/4 ф. древеснаго спирта для горѣнія	— „ 11 „
10) Испарительная чашка фарфоровая	— „ 54 „
11) Стеклянная палочка	— „ 04 „
12) Воронка стеклянная	— „ 14 „
13) Пропускная, фильтровальная, бумага, 2 листа	— „ 05 „
14) Гигроскопическая вата	— „ 05 „
15) Грецкая губка	— „ 09 „
16) Луна (полотняный микроскопъ)	— „ 68 „
17) Термометръ Реомюра	— „ 27 „
18) Приборъ расширенія жидкостей отъ нагрѣванія	— „ 27 „
19) Приборъ линейнаго расширенія тѣлъ отъ нагрѣванія	— „ 60 „
20) Приборъ Ингенгуса	— „ 60 „
21) Приборъ для опытовъ съ углекислотой	— „ 45 „
22) Желѣзная спираль для огарка свѣчи	— „ 01 „

23) Фосфоръ въ кристаллахъ	— р. 36 к.
24) Квасцы	— „ 06 „
25) Селитра	— „ 12 „
26) Крахмалъ	— „ 04 „
27) Желѣзный купоросъ	— „ 09 „
28) Известь негашеная	— „ 09 „
29) Поташъ	— „ 09 „
30) Книга для класснаго чтенія „Миръ въ разсказахъ для дѣтей“ В. и Э. Вахтеровыхъ	— „ 40 „

Всего на сумму 16 р. 14 к.

Способъ пользованія предметами коллекціи, а также производство нѣкоторыхъ опытовъ для иллюстраціи отдѣльныхъ статей подробно изложены школьной комиссіей въ особой объяснительной запискѣ, приложенной при каждой коллекціи. (Изъ докладовъ очередному Ярославскому губернскому земскому собранію сессіи 1904 года. По народному образованію.)

Съ требованіями пособій надо обращаться въ школьную комиссію Ярославскаго земства.

Отзывъ „Русской Школы“.

Новыя вѣянія въ народно-учебной литературѣ.

Передъ нами новый сборникъ: В. и Э. Вахтеровы „Миръ въ разсказахъ для дѣтей“. Книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. 3-я часть. Эта книга родилась уже подъ звѣздой свободы и принадлежит прогрессивно-реформаторскому направленію. Одинъ изъ ея составителей, В. П. Вахтеровъ, имѣетъ заслуженное въ педагогической литературѣ имя. Онъ—новаторъ въ своей области. Вдумчивую его мысль издавна озабочивала проблема—открыть истинные родники народнаго просвѣщенія. И нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій принадлежитъ его перу. Естественно, что міроразумѣніе педагогическаго писателя отразилось и на содержаніи составленной при его сотрудничествѣ хрестоматіи.

Въ основу книги положено органически-цѣльное воззрѣніе, которое какъ бы суммируетъ ученія о начальной школѣ.

Составители, зная ограниченность курса низшей школы, хотѣли бы дать дѣтямъ наиболѣе существенное и полезное для ихъ образованія. Конечно, на первомъ планѣ стоитъ задача нравственнаго воспитанія, которую составители рѣшаютъ единственно-возможнымъ въ книгѣ путемъ. Они даютъ многочисленный рядъ литературныхъ образовъ, имѣющихъ въ виду пробудить въ дѣтской душѣ нравственныя чувства, и затѣмъ изъ cadaго даннаго случая выводятъ основныя этическія понятія (въ формѣ краткихъ изреченій). Такимъ образомъ на основѣ горячаго чувства вырастаетъ живая мысль, и постепенно слагается прочный идеальный міръ.

Въ книгѣ гг. Вахтеровыхъ искусно подобранъ наилучшій для дѣтскаго возраста литературный матеріалъ, обнимающій всю гамму высокихъ человѣче-

скихъ чувствъ; этотъ сборникъ можетъ служить надежнымъ руководствомъ по нравственному воспитанію.

Въ книгѣ гг. Вахтеровыхъ беллетристическій матеріалъ занимаетъ 194 страницы. Счастливая мысль составителей давать статьи, удовлетворяющія одновременно и нравственнымъ и художественнымъ требованіямъ, удалась вполне. Здѣсь, между прочимъ, представлены и новѣйшіе писатели (Горькій, Короленко).

Какое бы важное значеніе ни придавать культурѣ нравственной природы личности, нельзя, однако, ограничиваться лишь этою стороною проблемы воспитанія. Воззрѣніе Бокля, усматривающее причину прогресса въ умственныхъ успѣхахъ человѣчества, примѣнимо не только къ цѣлому обществу, но и къ отдѣльному индивиду. Понятно, что другъ просвѣщенія, составитель книги, не могъ не задаться мыслью наложить извѣстный отпечатокъ на формирующіяся умственныя способности дѣтей. И онъ прибѣгаетъ для этого къ единственно вѣрному средству—естественно-научнымъ знаніямъ, сообщая ихъ въ духѣ эмпирическаго метода.

Значеніе естествознанія нужно учитывать не по однимъ утилитарно-практическимъ выгодамъ, но также и по его воспитательному вліянію на человѣчскій интеллектъ.

Если разсматривать вопросъ въ его отвлеченной сущности, то можно указать здѣсь высокую и жизненную цѣль способствовать образованію здоровыхъ реальныхъ умовъ, познающихъ міръ лишь со стороны его несомнѣнной дѣйствительности, безъ помощи и окрашенныхъ очковъ.

Въ первобытномъ состояніи человѣчскій интеллектъ мыслить призраками, произвольными обобщеніями, чрезмѣрно фантазируетъ, придавая слову значеніе сущности. И только умъ цивилизованный, подвергшійся искусственному воздѣйствію и обработкѣ, приближается къ наиболее совершенному типу. Однако и односторонне культивированныя умственныя способности не доставляютъ личности наивысшей силы разумнія. Можно образовать свой интеллектъ исключительно при помощи продуктовъ творчества ирраціональныхъ сторонъ человѣческой психики (религія, искусство etc.). Но это будетъ скорѣе умъ изуродованный, чѣмъ усовершенствованный, полный заблужденія, умъ, неспособный къ воспріятію истины, умъ, чуждый природы и дѣйствительности. Лишь изученіе космоса, маленькую частицу котораго составляемъ мы сами, создаетъ вѣрную точку зрѣнія, даетъ человѣческому духу твердую опору. Естествовѣдѣніе, какъ система познанія природы, есть великая и незамѣнимая школа для воспитанія реального и впродъ работающаго ума.

Каковъ же уровень естественно-научнаго образованія въ современномъ обществѣ.—Спенсеръ рассказываетъ въ своихъ комментаріяхъ, что во время прогулокъ верхомъ съ современными „отлично воспитанными“ молодыми англичанами онъ имѣлъ обыкновеніе задавать имъ вопросы относительно самыхъ простыхъ явленій природы. Спенсеръ приводитъ и образцы полученныхъ имъ отвѣтовъ, о которыхъ можно сказать одно—что они поразительно невѣжественны. Философъ произноситъ суровый приговоръ англійскому обществу, но и русскій ученый, познакомившись основательно съ нашими познаніями о природѣ, едва ли смягчилъ бы свой отзывъ.

Вина въ нашемъ невѣжествѣ отчасти падаетъ на школу. Подъ давленіемъ еще несвергнутой традиціи, въ ней вмѣсто вещи учатъ ея названію, расска-

зываютъ вмѣсто того, чтобы показывать. Степень умственного развитія ученика опредѣляется его способностью въ минимальный срокъ выучить на память словесное содержаніе извѣстнаго параграфа или главы.

Такова установившаяся практика, а вотъ воззрѣніе первокласснаго ученаго: „нужно представлять не только плоды научнаго изслѣдованія, но и пути, по которымъ идетъ изслѣдующій умъ“...

Нужно восходить отъ міра чувствъ къ міру сверхъчувственному, въ которомъ вырабатываются основныя начала и приобрѣтаются представленія и заключенія (Гиндаль). Вотъ единственно надежный путь для правильнаго развитія ума.

Простая справка въ исторіи могла бы дать весьма цѣнныя указанія. Послѣ паденія Наполеона III и крушенія имперіи, первымъ шагомъ Гамбетты и другихъ республиканскихъ дѣятелей было укрѣпленіе начальной школы и развитіе средствъ образованія во французскомъ крестьянствѣ, въ средѣ того народа, который незадолго передъ тѣмъ устроилъ блестящіе выборы авантюристу наполеоновской фамиліи. Быть-можетъ, и насъ ждутъ еще горькія разочарованія; можетъ-быть, на почвѣ народнаго невѣжества у насъ разразятся глубокія общественныя бѣдствія. Нѣтъ, воздѣйствіе исключительно на чувство и воображеніе народа—плохая школа для воспитанія общественности. Не трудно увлечь толпу, не обладающую ни политическимъ опытомъ, ни достаточной зрѣлостью мысли; но это похоже на обманъ. Такія дѣйствія не достойны русской интеллигенціи; ея высшее призваніе можно видѣть въ томъ, чтобы доставлять народу положительное знаніе, открывать ему пути ко всесторонней истинѣ. Принципы рациональнаго воспитанія одинаково приложимы какъ къ единицамъ, такъ и къ массамъ. Образовательное знаніе слагается путемъ собиранія непосредственныхъ впечатлѣній и фактическихъ матеріаловъ, съ одной стороны; и путемъ строго провѣряемаго вывода и тщательно взвѣшеннаго обобщенія—съ другой.

И чѣмъ интенсивнѣе проявляется самодѣятельность развивающагося ума, тѣмъ прочнѣе окажется самый фундаментъ знанія.

Невольно также возникаетъ вопросъ о сравнительной цѣнности знаній для массы трудового народа. Конечно, всякое полезное знаніе—благо, но область естествовѣдѣнія для крестьянина благо по преимуществу. Крестьянинъ имѣетъ дѣло съ природой, онъ ежедневно производитъ массу физическихъ, химическихъ, біологическихъ опытовъ, теоретическое значеніе которыхъ ему, однако, не доступно. Съ разумѣніемъ дикаря онъ смотритъ на природу. Какая жалость! Научныя свѣдѣнія осмыслили бы и скрасили трудъ земледѣльца, научили бы его вдумываться въ окружающій его міръ физическихъ явленій, послужили бы школой для мысли. Сложная сѣть суевѣрныхъ представленій, какъ паутина окутывающая умъ крестьянина, неминуемо будетъ распадаться подъ вліяніемъ положительныхъ знаній. Естественныя науки не чета социальнымъ утопіямъ, взбудораживающимъ лишь область воображенія. Нашъ народъ и безъ того достаточно фантазируетъ.

Въ „Мірѣ“ гг. Вахтеровыхъ 600 стр., и одна треть изъ нихъ отведена отдѣлу естествознанія. Всѣ статьи здѣсь оригинальны и въ печати появляются впервые. *Этотъ отдѣлъ* составляетъ „гвоздь“ книги и *задуманъ широко и смѣло; можно безъ преувеличенія сказать, что авторъ вноситъ имъ цѣнный вкладъ въ учебную литературу народной школы.*

И было бы счастьемъ, если бы каждый школьникъ, кончая курсъ, уносилъ съ собою въ голову, въ видъ хорошо усвоеннаго матеріала, этотъ „Міръ“. Онъ былъ бы тогда зрячимъ среди природы; она представилась бы ему открытой книгой, преисполненной вѣчнаго интереса. Физико-химическія явленія, астрономическій міръ, жизнь растений и животныхъ, жизнь человеческого организма, жизнь земли—вотъ какія существеннѣйшія области естественно-научнаго знанія касается книга, притомъ въ безподобной литературной формѣ. **Кажется, наука еще не являлась въ нашей начальной школѣ въ такомъ доступномъ и обаятельномъ видѣ.** Прежде всего—прекрасный языкъ, простой, но вполне литературный. Авторъ говоритъ краткими предложеніями, часто употребляетъ сравненія и образы, не избывая общеупотребительныхъ словъ иностраннаго корня. Изложеніе ведется въ высшей степени оживленно. Текстъ богато иллюстрированъ рисунками, удачно подобранными. Составителя ознакомила прекрасная мысль излагать науку, такъ сказать, въ присутствіи великихъ творцовъ ея. Онъ рассказываетъ жизнь Ньютона, Франклина, Пастера, заинтересовываетъ своихъ маленькихъ читателей развитіемъ научной мысли знаменитыхъ естествоиспытателей, знакомитъ ихъ съ опытами, которые производили тѣ, и подготовивъ такимъ образомъ дѣтскіе умы, вводитъ ихъ въ міръ великихъ открытій и научныхъ понятій. Ничего не можетъ быть интереснѣе и плодотворнѣе такого метода популяризаціи науки.

По установившейся практикѣ начальной школы, учащіеся пріобрѣтаютъ знанія путемъ прочитыванія статейекъ изъ учебной книги, а надъ этими статьями обыкновенно продѣлываются всѣ приемы такъ называемаго объяснительнаго чтенія. Самъ по себѣ этотъ путь и неестественный, и неправильный. Конечно, приходится усиленно заботиться объ обученіи чтенію, какъ таковому. Но нельзя же забывать, что чтеніе лишь средство для образованія, а не самоцѣль. Въ настоящее время встрѣчаются и такіе мастера учебнаго дѣла, что и самыя прекрасныя книги ухитряются превращать въ источникъ невыносимой скуки. Какъ бы хорошо было, если бы наша народная школа вышла, наконецъ, изъ стадіи чисто-словеснаго обученія. Произвести опытъ, показать рисунокъ, устроить подготовительную бесѣду или прочитать цѣлому классу хорошо составленную книжку—вотъ болѣе цѣлесообразный путь. Книга гг. Вахтеровыхъ безспорно предполагаетъ такой приемъ, и для вполне успешнаго занятія по ней необходимо запастись кое-какими, хотя бы самодѣльными приборчиками.

И. С—ѣвъ.

Изъ отзыва учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея всенно-учебныхъ заведеній 18 декабря 1901 г.

„Къ достоинствамъ книги надо отнести логичность расположенія приведеннаго въ ней матеріала, его доброкачественность, доступность дѣтскому пониманію, прекрасныя иллюстраціи всего болѣе труднаго для пониманія, гуманность, которою проникнута вся хрестоматія, и, наконецъ, какъ особенность этой книги, популярное и самостоятельно составленное изложеніе отдѣловъ изъ

естественной исторіи. Идея расположенія матеріала, тонъ всей хрестоматіи, направленіе и любовь къ дѣтскому міру, которой проникнута эта книжка, заслуживаетъ вниманія и одобренія. Книжка эта можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для разработки въ классѣ извѣстнаго матеріала“ (см. „Педагогическій Сборникъ“ за апрѣль 1903 г.).

Изъ отзыва журн. „Русская Мысль“. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. и Э. Вахтеровы составили вторую послѣ букваря книгу подъ тѣмъ же названіемъ. Книга разошлась въ количествѣ *деяти* изданій. Лѣтомъ нынѣшняго года авторы выпустили первую часть, и черезъ *два недѣли* потребовалось повторить изданіе. Въ данномъ случаѣ намъ приходится лишь констатировать тотъ фактъ, что публика оцѣнила по достоинству хрестоматію гг. Вахтеровыхъ. Дѣйствительно, она отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ первой книгѣ для чтенія послѣ букваря. Всѣ статьи написаны замѣчательно простымъ, но въ то же время вполне литературнымъ языкомъ. Даются онѣ въ строгой системѣ, при чемъ переходъ отъ легкаго къ сложному идетъ безъ скачковъ, такъ что ученикъ имѣетъ возможность безъ усилій и безъ напряженія расширять свой умственный кругозоръ. Текстъ статей обильно иллюстрированъ рисунками. Обложку украшаетъ художественно выполненный снимокъ съ прекрасной картины Н. Н. Богданова-Бѣльскаго „Устный счетъ“. Охотно рекомендуемъ эту книгу для класснаго чтенія какъ для школы, такъ и для семьи“.

В. П. Вахтеровъ. Русскій Букварь. Для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому. Со 175-ю рисунками въ текстѣ съ разнѣзной азбукой для упражненія учащихся въ составленіи словъ изъ печатныхъ буквъ и сборникомъ статей для русскаго и церковно-славянскаго чтенія. Ц. 15 коп. 24 изданіе.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ I, II и IV изданіяхъ допущенъ для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ (см. „Журн. Мин. Народн. Просв.“ за іюль 1897 г., стран. 29, и за январь 1899 г., стран. 89, и каталогъ книгъ для низшихъ учебныхъ завед., изд. Мин. Народн. Просв. 1899 года, страница 20).

Одобрень Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи для низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, а также для приютовъ и малолѣтнихъ отдѣленій сиротскихъ институтовъ Николая II.

Опыты съ обученіемъ по „Букварю В. П. Вахтерова“ въ Харьковской воскресной школѣ и отзывъ о немъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Христіны Даниловны Алчевской.

„28 декабря мы окончили прохожденіе Букваря (В. П. Вахтерова), и я спѣшу сказать о немъ нѣсколько словъ. *Пріемъ предупрежденія ошибокъ, указанный на второй страницѣ предисловія, мы находимъ въ высшей степени удачнымъ и рекомендуемъ его вмѣстѣ съ авторомъ,*

Сліяніе съ буквами *p, c, ш* мы считаемъ самымъ легкимъ, а потому очень довольны тѣмъ, что эти буквы поставлены такъ рано. Приемъ автора—*ставитъ рядомъ буквы одного и того же начертанія, мы считаемъ весьма удачнымъ. При такихъ условіяхъ ученикъ легче усматриваетъ различіе. Небольшіе рассказы, выбранныя для упражненія въ чтеніи по окончаніи азбуки, представляютъ весьма удобный матеріалъ не только для малолѣтнихъ, но и для взрослыхъ.* Если мы прибавимъ ко всему этому разумную разстановку буквъ, удачно составленныя предложенія, крупную печать, удовлетворительныя картинки, которыми изобилуетъ Букварь и которыя оживляютъ чтеніе, не только съ малолѣтними, но и со взрослыми, то въ результатъ придется горячо рекомендовать его и для *тѣхъ, и для другихъ*“.

Х. Алчевская.

Его же. На первой ступени обученія. Методическое руководство къ обученію письму и чтенію по «Русскому Букварю» автора. М. 1904 г. Ц. 70 коп. Изданіе 3-е.

Изъ отзыва „Русскихъ Вѣдомостей“. „Вопреки автору настоящей книги мы полагаемъ, что лежащая передъ нами новая работа его имѣетъ значеніе несравненно большее, чѣмъ то, какое придаетъ онъ ей, называя ее руководствомъ къ обученію по „Русскому Букварю“. Это продуманный, обстоятельно разработанный и въ нѣкоторыхъ частяхъ оригинальный трудъ вообще по методикѣ первоначальнаго обученія родному языку. Горячо радуя за то, чтобы каждый шагъ учащагося и „на первой ступени обученія“ былъ сознательнымъ, г. Вахтеровъ подробно и доказательно развиваетъ этотъ принципъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ пути къ осуществленію послѣдняго на дѣлѣ. При этомъ давая практическія указанія, онъ излагаетъ ихъ не въ догматической формѣ, какъ это обычно дѣлается авторами подобныхъ руководствъ, а старается убѣдить учащихся въ преимуществахъ предлагаемыхъ имъ приѣмовъ, пользуясь для этого данными психологіи, статистики и т. п.

Изъ отзыва „Курьера“. „Методическое руководство В. П. Вахтерова построено на принципѣ „естественныхъ связей“. Въ противоположность случайнымъ и внѣшнимъ существуютъ связи естественныя, разумныя, логическія, это—какъ совершенно вѣрно опредѣляетъ ихъ авторъ—тѣ связи, которыя соотвѣтствуютъ дѣйствительности, природѣ и жизни и которыхъ требуетъ здравый разумъ и здравая логика. Чѣмъ больше и лучше мы сознаемъ эти естественныя связи, тѣмъ лучше помнимъ все то, что скрѣплено ими; и такая память не губитъ нашего ума, какъ губитъ его память, основанная на механическихъ случайныхъ связяхъ, потому что естественныя связи это въ то же время и разумныя логическія связи, и чѣмъ больше ихъ въ нашемъ сознаніи, тѣмъ мы развитѣе. Этотъ „методъ естественныхъ связей“ авторъ послѣдовательно развиваетъ въ своемъ руководствѣ. Знакомы шагъ за шагомъ съ примѣненіемъ такого метода къ первоначальному обученію чтенію и письму, составитель руководства вмѣстѣ съ тѣмъ въ изобиліи даетъ цѣнныя

для учащихъ практическія указанія, планы и подробные конспекты уроковъ, при чемъ, идя навстрѣчу современнымъ условіямъ, систематически знакомить съ тѣми уклоненіями, которыя необходимо дѣлать при обученіи грамотѣ взрослыхъ въ воскресныхъ, вечернихъ и т. п. школахъ. Простота и ясность изложенія, живой, увлекательный языкъ, высокіе принципы, стройность самой системы безспорно создаютъ методическому руководству г. Вахтерова широкое распространеніе. Цѣну книги—75 к. за двѣсти слишкомъ страницъ убористаго текста нельзя не признать весьма умѣренной, особенно для перваго изданія“.

В. П. Вахтеровъ. Всеобщее обученіе. Москва. 1897 г. Ц. 1 руб.

Въ основу этого труда положенъ рефератъ 1894 г., о которомъ *известный историкъ П. Н. Милюковъ въ своей книгѣ „Очерки по исторіи русской культуры“ (1-е изданіе) говорилъ: „Въ 1894 г. въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности читался рефератъ, авторъ котораго, В. П. Вахтеровъ, снова ставитъ на очередь вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи. Вопросъ является на этотъ разъ въ новомъ освѣщеніи, сразу уничтожившемъ то заклятіе, которое тяготѣло надъ нимъ со времени работы г. Дубровскаго“.*

Изъ отзыва „Русской Мысли“ за июнь 1897 г. „Названное выше сочиненіе представляетъ собой капитальное изслѣдованіе по этому вопросу“.

„Изслѣдованіе г. Вахтерова займетъ, конечно, мѣсто настольной книги для всѣхъ, кому придется такъ или иначе имѣть дѣло съ вопросомъ народнаго образованія“.

Изъ отзыва „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1897 г. № 32. „Книга г. Вахтерова „Всеобщее обученіе“ какъ по предмету, такъ и по обстоятельности разработки его представляетъ собою одно изъ самыхъ цѣнныхъ произведеній нашей литературы по народному образованію за послѣднее десятилѣтіе“.

Его же. Внѣшкольное образованіе народа. Москва. 1896 года. Ц. 1 руб.

Изъ отзыва „Русской Мысли“ за ноябрь 1896 г. „Книга содержитъ массу руководящихъ указаній къ наиболѣе практичной и цѣлесообразной постановкѣ во всѣхъ его видахъ дѣла внѣшкольнаго образованія народа, при чемъ громадной важности этого вопроса дано самое широкое и всестороннее освѣщеніе“.

Его же. „Народныя чтенія“. Спб. Изд. журнала «Русская Школа». 1897 г. Ц. 1 руб.

Изъ отзыва „Русской Мысли“ за октябрь 1897 г. „Уже изъ бѣглаго обзора содержанія книги г. Вахтерова видно, какъ много въ ней интересныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній, какъ необходимо ее имѣть для

справокъ и обстоятельнаго знакомства съ вопросомъ о народныхъ чтеніяхъ каждому, кто мало-мальски интересуется дѣломъ просвѣщенія народныхъ массъ“.

Его же. **Нравственное воспитаніе и начальная школа.** Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Ц. 1 руб.

Изъ отзыва учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній 18 декабря 1901 г.

„Авторъ искренно увлеченъ своимъ дѣломъ, и это увлеченіе передается читателю. Все сочиненіе проникнуто вѣрой въ просвѣщеніе, убѣжденіемъ его необходимости для блага народа, согрѣто гуманностью и обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее знаніе школьной русской жизни“.

Его же. **Небесныя свѣтила.** 2-е изданіе «Юнаго Читателя». Ц. 30 коп.

Изъ отзыва книги „Что читать народу“. „Задача популяризаціи выполнена В. П. Вахтеровымъ такъ удачно, что книжку его надо признать одной изъ лучшихъ (по астрономіи для народа) на русскомъ языкѣ. Поразительно просто справился авторъ съ труднѣйшими статьями астрономіи, какъ, напримѣръ, съ спектральнымъ анализомъ. Нѣтъ у Вахтерова голыхъ цифръ, ничего не говорящихъ ни воображенію, ни уму. Онъ умѣло приводитъ удачныя сравненія, и вся разница разстояній земныхъ и небесныхъ, все отличіе размѣровъ небесныхъ тѣлъ легко можетъ быть представлено даже мало развитымъ читателямъ. Ни одного упрека нельзя послать разбираемой книгѣ“.

Изъ отзыва журнала „Русская Мысль“. „Книжка отличается крупными достоинствами: изложеніе ведется ясно, живо и понятно. Г. Вахтеровъ не поддѣлывается,—онъ обладаетъ способностью говорить о „мудреныхъ вещахъ“ замѣчательно просто, совершенно незамѣтно увлекая читателя, въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ очеркѣ, посвященномъ ознакомленію читателей съ астрономіей и космографіей, очень удачно приведены свѣдѣнія о великихъ ученыхъ, положившихъ начало наукѣ о „землѣ и небѣ“—Пифагорѣ, Коперникѣ и др. Текстъ обильно иллюстрированъ прекрасно исполненными рисунками. Книга издана очень дешево—30 коп. за одиннадцать слишкомъ печатныхъ листовъ. Первое изданіе разошлось почти въ одинъ годъ. Это лучшее доказательство того, что при современномъ стремленіи къ образованію талантливо написанный научно-популярный очеркъ найдетъ себѣ многочисленныхъ читателей и будетъ оцѣненъ по достоинству“.

„Общее Дѣло“. „Книжка В. П. Вахтерова должна быть причислена къ лучшимъ для начальнаго ознакомленія со вселенной“.

За изданіями слѣдуетъ обращаться въ книжный складъ Т-ва И. Д. Сытина, въ Москву, близъ Ильинскихъ воротъ, д. Титова.

Земствамъ, училищнымъ совѣтамъ, дирекціямъ и инспекціямъ народныхъ училищъ, учебнымъ заведеніямъ и лицамъ, выписывающимъ 100 экз., дѣляется 30% УСТУПКИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Возможно ли равное для всѣхъ общее образованіе . . .	3
Тяжба между общимъ и профессиональнымъ образова- ніемъ	20
Споръ между свѣтскою и конфессіональною школою . .	44
